

Нина Артюхова

**Мама
Леля
Грибное
лето**

Изд-во "ДАРЪ"

Нина Михайловна Артюхова

Мама. Леля. Грибное лето

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67561998

Мама. Леля. Грибное лето:

ISBN 978-5-485-00669-3

Аннотация

В сборник известной детской писательницы Нины Михайловны Артюховой (1901–1990 гг.) вошли повести «Мама», «Леля» и поэма «Грибное лето», которая публикуется впервые. Все три произведения рассказывают о жизни и судьбах обычных людей – больших и маленьких – в военные и первые послевоенные годы, о том, как перепахала война семьи и отношения, как по-разному ведут себя люди в такую тяжелую пору, как нелегко строить новое и восстанавливать разрушенное, и о многом другом. А еще она об ответственности взрослых перед детьми, о детской безграничной вере в любовь, защиту и помощь родителей и близких.

Книга будет, несомненно, интересна широкому кругу читателей, в том числе школьникам среднего и старшего возраста.

Содержание

Мама	5
I	5
II	13
III	24
IV	38
V	48
VI	53
VII	67
VIII	82
IX	97
X	109
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Нина Михайловна

Артюхова

Мама. Леля. Грибное лето

© Артюхова Н.М. (наследники), текст, 2021

© Горшкова Н.С., иллюстрации, 2021

© Издательство «Дарь», 2021

© ООО ТД «Белый город», 2021

Мама

I

В учительской душно. Снизу, от парового отопления, тянет сухим теплом. За окном – четко на голубом небе – верушка тополя с белыми, будто засахаренными ветками. Завтра ветер стряхнет снег, а сегодня он лежит, и от него в комнате веселее.

Светлана укладывала поудобнее тетради в портфель, стараясь делать это неторопливо.

Ирина Петровна, завуч, прошла в свой кабинет, высоко подняв узенькие плечи. Они такие сухие и узкие, что кажется, если бы не ватные треугольнички, подложенные под платье, их и не было бы совсем.

А глаза у Ирины Петровны теперь как два гвоздика.

Все расходятся молча или разговаривая о том, какой день чудесный, первый зимний день. Только Юлия Владимировна сказала негромко:

– А вы смелая девушка. Но имейте в виду: сегодня вы нажили себе врага. – Пожала Светлане руку и отошла.

Между прочим, ее одну Ирина Петровна не прерывала ни разу и не предлагала ей никаких поправок.

У Юлии Владимировны – второй «Б».

Их мало, первых и вторых классов.

Четвертых – пять параллельных, а у малышей – «А», «Б», и все. Странно было видеть, когда они пришли в сентябре и стали перед школой линейками. . . Жалкими даже казались. Самых маленьких – меньше всех. Никогда так не бывало в школе. Даже непонятно было сначала. Дети военных лет.

На стене, около расписания, приколоты кнопками карта Кореи. В газетах сегодня опять: «Переговоры о перемирии». Переговоры о перемирии идут, а война продолжается. И даже когда кончится война, в этой многострадальной маленькой стране на долгие годы протянется страшный след: целое поколение изувеченных, осиротевших и еще – поколение детей, которых так мало.

В коридоре Светлану догнала Валя, физкультурница. Тоненькая, с коротко подстриженными волосами, Валя похожа на артистку детского театра, которая играет мальчика.

– Как вы смело говорили! – шепнула она. – А вот у меня не выходит. Вы ведь тоже первый год преподаете? Слушайте, сколько вам лет?

– Двадцать. Что, по-вашему, для своего возраста я хорошо сохранилась? Маленькая собачка, как говорится, до старости щенки!

– Это правда, – улыбнулась Валя, – больше восемнадцати вам ни за что не дашь. Но вот когда вы с классом, у вас какая-то прямо. . . сорокалетняя хватка. Вы для ребят автори-

тет, они вас слушаются.

– Не для всех авторитет, и не все слушаются.

– Два человека из сорока! Справитесь! И в то же время бывают учителя пожилые, со стажем, а на уроке – никакой дисциплины! Как вам это удается?

Они спускались с лестницы. Светлана приостановилась:

– Вы когда-нибудь дрались с мальчишками?

В глазах Вали недоумение и даже испуг.

– То есть в детстве, конечно. Я ни одной минуты не предполагала, что вы когда-нибудь тузили своих учеников!

– Ах, в детстве! Приходилось, конечно... Впрочем, насколько помню, не я с ними дралась, а мне попадало от мальчишек.

Светлана тряхнула кудрявой головой:

– Я так и думала. А меня все соседские ребята уважали и даже побаивались. А ведь я была гораздо меньше и слабее своих сверстников. Но было всегда... я отлично помню это ощущение... какой-то напор, уверенность в себе... Стоит передо мной верзила, на голову выше меня, и я знаю, ни секунды не сомневаюсь, что он сейчас струсит и побежит, а если не побежит, то сделает так, как я захочу, – мой верх! Впрочем, я всегда сражалась только за правое дело – обидят какого-нибудь малыша или над котенком начнут измываться... Так что тут играл роль и моральный фактор. Ну, и в классе то же самое: здесь вас, ребят, сорок человек, вы, конечно, можете меня перекричать, а все-таки будете сидеть

смирно и меня слушаться – мой верх! И дело-то мое опять же правое, так что все шансы на моей стороне... Что? Непедагогичное сравнение – с дракой? Вы возмущены?

Валя засмеялась.

Они оделись и вышли на крыльцо.

Широкий двор, припорошенный снегом. Белые тонкие одеяла на крышах домов, легкие белые подушечки на воротах, на каждом столбике забора. Это еще не зима, конечно, – репетиция зимы. Генеральная репетиция, в костюмах.

– А с ребятами мне много возиться пришлось, – сказала Светлана. – Когда в педучилище была, каждое лето ездила вожатой в лагерь... Так что, как видите, стаж у меня многолетний! Вы переулком идете? Я – через площадь.

Валя скрылась за углом школы, Светлана пошла через двор, к воротам.

Около самых ворот темнела в снегу узкая ледяная дорожка, отполированная ногами ребят до стеклянной гладкости. Очень соблазнительно было прокатиться по ней – ведь время-то уже внеслужебное, да и двор пустой! Но «многолетний стаж» подсказал: нельзя! Мало ли что: сзади – окна школы, впереди – улица...

И правильно подсказал «многолетний стаж». Когда Светлана подошла к воротам, ей навстречу по такой же узенькой ледяной дорожке, накатанной вдоль тротуара, пронеслись, широко расставив ноги и балансируя руками, два мальчика. Мальчики были из ее класса, четвертого «В», именно

те, из-за которых разгорелся спор в учительской. Два дружка, соседи по парте: Володя Шibaев и Толя Якушев. Хороша была бы она, если бы выехала из школьного двора в такой же легкомысленной позе и столкнулась с ними на тротуаре!

Увидев учительницу, ребята сейчас же затормозили. Толя сказал:

– Добрый вечер, Светлана Александровна!

Володя молчал, сутулился, угрюмо смотрел исподлобья.

Было ясно, что мальчики поджидали именно ее. Но Светлана сделала вид, что не догадывается об этом, и, не останавливаясь, ответила:

– Добрый вечер.

Тогда Толя пошел в открытое наступление:

– Светлана Александровна, вы нам какие отметки поставили по поведению?

– Какое поведение, такие и отметки, – серьезно ответила Светлана.

Толя сдвинул на затылок меховую шапку с задранными сверху неподвязанными наушниками и разочарованно сказал:

– Эх!

Круглоголовый, круглоглазый, веселый непоседа, как он ни баловался в классе, он никогда не вызывал неприязненного чувства. Про таких ребят говорят, что у них ртуть в жилах или, согласно другой теории, шило запрятано совсем уж в неподходящем месте.

Эта своеобразная конституция как бы оправдывает шалуннов.

Совсем другое отношение было у Светланы к Володе Шибяеву.

Непонятно было, во имя чего Володя так упорно нарушал дисциплину. Ему самому, по всей видимости, это не доставляло никакого удовольствия.

Бывают лица открытые, а вот у Володи – закрытое лицо.

Тяжелый взгляд исподлобья, странный для мальчика в одиннадцать лет. Нескладная фигура – Володя самый длинный и самый худой из всех ребят в классе. Казалось, что его долго вытягивали за голову и за ноги да и оставили так, ничего не прибавив в толщину.

Светлана посмотрела на Толину шапку.

– Хочешь, я тебя научу завязывать тесемки бантиком? Это совсем не трудно... – Она протянула руку к его голове.

Толя удивленно отшатнулся.

– Да я умею!

– А!.. Я ведь думала, что ты еще не научился!

Толя улыбнулся. Лицо Володи осталось таким же мрачным и замкнутым.

Из коротких рукавов пальто тяжело висели длинные мальчишеские руки, худые в запястье, широкие в ладони, покрасневшие от мороза.

«Странный парень», – думала Светлана, отходя от мальчиков и даже спиной ощущая тяжелый Володин взгляд.

Длинные низенькие сугробы тянулись вдоль тротуаров, и такой же неприкасаемой белизны миниатюрные ватные сугробы аккуратно уложены между двойными стеклами оконных рам.

По сравнению с Москвой город был похож на подростка, который хочет придать себе солидный вид: заводские трубы на окраинах, автобус на главной улице, четырехэтажные до-

ма в центре.

В нижнем этаже одного из таких больших новых домов – продовольственный магазин. Открывая тугую, на пружине, дверь, Светлана подумала, что нужно бы еще раз зайти к Володе на квартиру – на прошлой неделе заходила, но никого не застала.

И сейчас же мысли о школе и учениках уступили место другим мыслям – гастрономическим. Что бы это поймать сегодня, поскорее приготовить?.. Покорее – и в то же время вкусное, по возможности неожиданное и новенькое...

Скользящими движениями пробираясь в толпе покупателей, привставая на цыпочки или выглядывая из-за чьего-нибудь локтя, Светлана осмотрела все прилавки.

Белая авоська, вынутая из портфеля, постепенно наполнялась и стала такой же тяжелой, как портфель.

Был еще один магазин по дороге к дому, в который всегда тянуло, – посудо-хозяйственный. Не обязательно покупать, а так, высмотреть себе что-нибудь на будущее. Например, прехорошенькие утятницы стояли на полке в ряд, матово-серебристые, с плотно закрывающимися овальными крышками. Или вот еще: электрический утюг...

Ладно! Это все в следующую получку, после праздников.

Удачно справившись с этими соблазнами, Светлана завернула в свой переулок.

II

Снег на сугробах стал золотистым со стороны, обращенной к закату, и прозрачно-синим в тени. Во дворе – небольшая снежная баба, пока еще безликая. Молодые скульпторы убежали в дальний конец двора и гоняются там за щенком.

Светлана быстро положила портфель на снег, авоську – на портфель, скинула варежки и вылепила бабе толстый курносый нос. Оторвала два куска голубой бумаги от пакета, скатала два шарика – получились глаза, а из розовой оберточной бумаги, свернутой колбаской, – рот.

Подхватив авоську и портфель Светлана вбежала в подъезд.

Ребята уже возвращались к бабе – щенок мчался впереди. За дверью на лестнице было уже темновато. Невидимая со двора, Светлана насладилась изумлением и восторгом ребят по поводу голубоглазой бабы. Шагая через две ступеньки, поднялась по деревянной лестнице к себе, на второй этаж. Дверь открыла своим новеньким блестящим ключом.

В передней вынула еще один ключ, тоже новый, и распахнула дверь своей комнаты.

Воздух в комнате был свежий, пахнувший снегом – форточка открыта с утра, – и весь какой-то розовый был воздух. Из-под сероватых слоистых туч проглядывало солнце, неяркое, без лучей, на него можно было смотреть не щурясь, оно

было похоже на покрасневшую луну.

Перед тем как прыгнуть на подоконник, закрыть форточку, раздеться и приняться за (очень срочные!) домашние дела, Светлана постояла с минуту, окидывая комнату нежным взглядом.

Никогда в жизни у нее не было своей комнаты. Кровать и половина тумбочки в детском доме; кровать, тумбочка и кусочек стола в общежитии педучилища... Восхитительно было чувствовать себя здесь полновластной хозяйкой.

Комната была невелика, но не казалась тесной, потому что в ней было очень мало вещей.

На столе – широкая ваза, и в ней букет из сосновых веток...

Ладно, хватит любоваться, за дело, за дело!

Светлана побежала в кухню. Чайник – на примус, сковородку – на керосинку...

Потом раскрыла портфель.

Вместе со школьными тетрадями вернулись школьные мысли.

Здорово все-таки разговаривала с завучем!.. Славная эта Валя... но нельзя же быть такой трусихой несамостоятельной!..

Почему они все так соглашались послушно? Усталость или равнодушие?

И каким медовым голосом давала Ирина Петровна свои советы-приказы: «Валентина Николаевна! Лучший ученик в

классе! Круглый отличник – и вдруг четверка по физкультуре! Ведь будет еще один урок на этой неделе?.. Может быть, проверите?» Валя переглядывается с классной руководительницей, и обе покорно молчат. Так и казалось, что от стола завуча во все стороны комнаты протянулись длинные липкие паутинки. Ну, как в лесу бывает: идешь себе и вдруг наткнешься на них лицом, оплетут глаза и уши – противно ужасно.

Странный взгляд у Володи... неприятно, когда мальчишка смотрит так!

Ну-ка, где его тетрадь?.. Вот: «Шибает Владимир». Красным карандашом подчеркнула ошибки. Да, больше тройки не поставишь никак.

Поглядывая на часы, Светлана переходила от примуса к тетрадям и опять к примусу. Что-то очень быстро бегут стрелки... Синий вечер за окном. Пришлось зажечь свет. Не слишком ли сложный запроектован ужин? Поспее ли вовремя?

Вот и ужин готов, и все запрятано в самодельный термос на кухонном столе. Нужно бы задвинуть занавеску, а не хочется. Часы теперь точно приостановились, стрелки почти не двигаются. Невозможно проверять тетради; пожалуй, не все ошибки сумеешь отметить красным карандашом...

Теперь можно только, облокотившись о подоконник, всматриваться в темноту. Еще можно – слушать.

Вообще-то говоря, через двойные рамы почти не слыш-

но, что делается во дворе. А вот когда слушаешь – слышно. Например, шаги от ворот к двери дома. Еще слышнее шаги на лестнице. Сначала едва заметно хлопнет нижняя дверь... Потом... Нет, это в первый этаж. А вот теперь поднимается сосед в квартиру напротив... Старенький, медленно идет, с палочкой. Открыли ему. И снова тихо.

И наконец вот они – молодые, уверенные шаги. Да, так и есть: стукнула дверь вниз... Этот звук даже не воспринимается слухом, сами стены комнаты чуть заметно дрогнули.

Светлана задернула занавеску и выбежала в переднюю. Там было совсем темно. Вытянув руки вперед, она медленно двигалась к двери.

Эти шаги взлетели по лестнице. И вот уже щелкнул ключ в замке. На короткое мгновение знакомый силуэт в сероватом сумраке на пороге. Дверь захлопнулась.

Он хочет повернуть выключатель... Но Светлана с беззвучным смехом шагнула навстречу, ее пальцы коснулись шершавого сукна его шинели.

– Светланка, ты?..

Кто-то из соседей вышел в коридор.

В комнате оба сощурились от яркого света.

– Ну, как у тебя, все в порядке?

– Порядок полный.

– Костя, ты сегодня на двадцать минут позднее, чем вчера!

– Автобуса долго ждал. А как у тебя, на ниве просвеще-

ния? Ведь у тебя сегодня педсовет?..

– Нет, это еще не педсовет... Ох, Костя! У меня сегодня был бой! Сейчас сядем, все расскажу!

Она убежала в кухню.

Когда она внесла в комнату сковородку, Константин вдруг сказал:

– Да, знаешь новость?

– Что такое? – с интересом обернулась она.

Он подошел к ней с таинственным видом и, обнимая ее и одновременно поддерживая горячую сковородку, шепнул ей на ухо:

– Я тебя люблю!..

За ужином Светлана изображала в лицах завуча, физкультурницу Валю, ну, и себя, конечно.

– Понимаешь, Костя, она вся сухая-сухая, руки, пальцы, какая-то вся... диетическая, что ли! И таким ласково-медовым голосом: «Валентина Николаевна, Светлана Александровна! Лена Некрасова – наша гордость, и вдруг тройка по физкультуре!» Валя сейчас же сдает позиции: «Четверку, конечно, я, пожалуй...» А Ирина Петровна: «Четверку! Как можно! Проверьте еще раз, на следующем уроке. Светлана Александровна, ведь вы не возражаете?»

– Ну, а ты? – спросил Константин.

– А я говорю: «Возражаю». Так ко мне все и обернулись. Ирина Петровна еще слаще: «Вы, видимо, тоже еще не пригляделись к своим ученикам». А я говорю: «Ирина Петров-

на, мне кажется, я уже ко многому пригляделась».

– Здорово! – сказал Константин. – И правильно, ведь ей лишь бы процент успеваемости нагнать... Слушай, Светлана, как эта штука называется? – Он протянул ей пустую тарелку. – Дай-ка мне еще. Ты изумительно вкусно готовишь! У тебя природный кулинарный талант... Ну, а дальше что было?

– А дальше я сказала, что снижаю отметку по дисциплине Шибаеву и Якушеву. Ирина Петровна, конечно, опять возражать... И понимаешь, чем кончилось?.. Она столько меда и столько яду в рот набрала, сколько удалось набрать, и с такой приятной улыбочкой: «Некоторые учителя в начале учебного года очень неохотно ставят хорошие отметки. Они считают, что в каждой работе нужен прогресс. И вот с каждой четвертью класс делает все бо€льшие и бо€льшие успехи...» Ручкой своей пояснила... таким выразительным жестом, как бы поднимаясь со ступеньки на ступеньку: «И наконец, в конце учебного года...»

– Ого! – сказал Костя. – Ну, а ты?

– А я засмеялась. «Нет, говорю, я этого еще не умею делать».

К концу ужина Светлана заметила, что говорит она одна, так и прежде всегда бывало, а Костя только слушает.

– Ну, а как у тебя? Ничего нового?

– Да в общем-то ничего. Сашка Бобров из отпуска вернулся. Загорел, поправился, очень доволен.

– Он куда ездил?

Из всех Костиных товарищей старший лейтенант Саша Бобров был самый несимпатичный. Он был неприятен грубоватыми манерами, самоуверенностью, бесцеремонно громким голосом.

В дверь постучала соседка:

– Светлана, ваше письмо к нам в ящик попало.

От кого бы это? Должно быть, от московских подруг. Светлана уже сделала движение – надорвать конверт, но вовремя увидела, что письмо адресовано не ей, а Косте. Смотреть на обратный адрес и на фамилию отправителя не нужно – почерк был очень хорошо знаком. Впрочем, фамилия отправителя четко выведена внизу конверта: «От Бочкаревой Н.С.»

– Костя, это тебе.

Костя догадался, от кого письмо, еще раньше, чем взглянул на конверт. Почему догадался? Значит, все-таки было что-то в глазах Светланы... или в звуке голоса.

Выйти из комнаты теперь невозможно. Но ведь нельзя же и просто сидеть за столом и, не глядя на Костю, прихлебывать чай!

Выручил пакет с большими кусками колотого сахара. Когда покупала, пожалела, что непиленный, а теперь пригодился.

Светлана взяла из буфета щипцы и преспокойно стала колоть кусок за куском.

Надя Бочкарева... К ней не подходит эта фамилия... Пускай она уже больше двух лет Бочкарева, для Светланы она осталась Надей Зиминной. Бочкарева – что-то немножко неуклюжее, веселое и легкомысленное. При слове «Зимина» видишь сверкающее белое поле и деревья в снегу... что-то очень красивое, строгое... Ну, и холодное, конечно.

Надя Зимина. Она училась в школе вместе с Костей. Друг детства. Костина первая любовь.

– Собственно, это нам обоим письмо. Вот, прочти.

Надя писала, что только недавно от своей матери узнала о Костиной женитьбе. «Поздравляю и тебя, и Светлану. Костя, она чудесная, я очень рада за тебя... И знаешь еще, Костя, мне все думается, кто был бы сейчас очень счастлив: твоя мама. Мне всегда казалось, что она этого хотела, ведь она любила Светлану, как родную дочку».

Светлане самой так казалось иногда. Странно, что Надя тоже это заметила.

Костина мать умерла два года назад. В то последнее лето Светлана чувствовала, что стала ей как-то особенно близка. Бывают невысказанные мысли и слова, оставшиеся произнесенными.

– Знаешь, Светланка, – сказал Костя, – я сам тоже часто об этом думаю... ну вот что она пишет о маме.

В письмо была вложена фотография Надиной дочурки, которой недавно исполнился год. Видимо, Надя считала, что теперь, после такого большого перерыва, когда у Кости все

так хорошо наладилось в жизни, можно восстановить дружеские отношения.

– Дай-ка, дай сюда, покажи! – Светлана потянулась к фотографии. – Хорошенькая. – Она внимательно разглядывала нежное детское лицо, стараясь подметить в нем знакомые черты. – Славная девчурка, правда? Только на Надю не очень похожа. Она похожа...

Девочка была похожа на отца. Светлана не назвала его, остановившись вовремя.

– Тебе неприятно, что она написала? Костя, да?

Светлана присела рядом, ее рука легла на его плечо.

– Нет, отчего же? – Костя прижался щекою к этой руке. – Наоборот, ведь нельзя же так и остаться на всю жизнь враждующими родами, как Монтекки и Капулетти... Ты мне нальешь чаю, Светланка?

Константин потянулся к сахарнице с мелко-мелко наколотыми кусочками сахара – никогда Светлана не колола так. И вдруг спросил жалобным голосом:

– Светланка, ты у меня ревнючая?

– Нет, – твердо сказала Светлана. – Вообще я считаю, что ревность – самое неразумное и даже бессмысленное чувство!

– Чувства не всегда бывают глубокомысленными, Светик, и по большей части, когда они бушуют в человеке, разум молчит.

– Ну, значит, во мне это глупое чувство не бушует, потому что я могу рассуждать. Ну, подумай сам, где тут логика? И

может ли быть что-нибудь нелепей этой твоей ревности?

– Почему «моей»? – спросил Костя.

– Потому что ты ее своей жене приписываешь. Я говорю, подумай сам: если я знаю и верю, что ты меня любишь, зачем я буду ревновать, себя и тебя терзать подозрениями?

– Правда, Светик, – обрадованно сказал Костя. – Никогда не терзай, умница ты у меня!

– А если, скажем, я вдруг почувствую, – продолжала Светлана, – что ты... то есть я хочу сказать, если жена вдруг заметит, что муж ее разлюбил, так зачем он ей такой нужен, скажи на милость!

– Правильно, – подтвердил Костя, – гнать такого в три шеи, и дело с концом!

– Вот именно! Не нужен он мне такой! И неужели женщина может думать, что она вернет себе любовь мужа, если будет терзать его попреками и сцены ему устраивать?

– Между прочим, Светланка, не всегда такая шумная бывает ревность. Иногда она, наоборот, очень милая, тихая, сдержанная...

– Не верь, Костя, в милую ревность, не бывает и не было никогда такой!

Она поняла, почему он сказал так. Должно быть, считал, что если не теперь, то прежде все-таки ревновала его к Наде. Но разве то была ревность?

Девочкой еще, узнав о его любви, так горячо желала ему счастья. Позднее, когда уже многое стала понимать, страда-

ла за него, порою даже ненавидела Надю. Но за что ненавидела? Не за то, что Костя любит ее, а за то, что Надя к нему холодна. Разве это можно назвать ревностью?

Светлана опять пододвинула к себе фотографию Надиной дочки.

– Славная очень, правда? Глазенки славные... Костя, а как тебе... Если бы... – Она не закончила.

– Что?

– Нет, я так.

III

Светлана всегда любила ходить к своим ученикам. Это осталось еще со школьных времен, когда была отрядной вожатой.

За каждой незнакомой дверью таится неожиданное. Она любила представлять себе, какие у ее пионеров родители, какая квартира, обстановка, взаимоотношения в семье. Иногда выходило именно так или почти так, иногда совсем по-другому. Маленькие сюрпризы, приключения, игра в загадки и отгадки.

Вот большой светло-серый дом, новый, четырехэтажный. Двери всех квартир одинаковы, и комнаты в квартирах расположены по одному образцу, но стоит войти в переднюю, и начинается неповторимое своеобразие. Оно начинается даже немножко раньше – ведь двери квартир, пускай одинаковые, все-таки имеют свою индивидуальность. Одни заботливо обиты клеенкой и войлоком, другие легкомысленно ничем не прикрыты.

А почтовые ящики с пояснениями, куда и какую газету класть – упаси Боже, перепутает почтальон, так и слышишь раздраженные голоса немирно живущих соседей.

А звонки – «Три длинных, один короткий», «Два коротких, один длинный», и где-нибудь в стороне от общего списка новенькая кнопка с отдельной проволочкой и четкая,

неулыбчивая надпись: «Только Зябликову».

Дверь, у которой остановилась Светлана, строгая, спокойная, без единой царапины, без следов нетерпеливых мальчишеских ног внизу, без списка жильцов и звонков сбоку. Всю квартиру занимает одна семья.

Семья... Тоже со школьных времен осталось чувство, наивное, конечно, – ведь знаешь, что не всегда бывает так, – наивное ожидание, что если в доме живет семья, значит, в доме – счастье.

Здесь, за этой спокойной дверью, Светлана уже была в начале четверти. Отца Лены Некрасовой – он старший инженер на заводе – не застала тогда. Ее принимали три Елены: Елена Ивановна – бабушка, Елена Евгеньевна – мать и Лена-маленькая, Светланина ученица.

Очень приятный был вечер, очень приветливо принимали... Как только Светлана вошла в столовую, ей навстречу, отложив книгу, поднялась Елена Евгеньевна, высокая, пышная, улыбающаяся. Протянула красивую белую руку, заговорила мягким грудным голосом, познакомила со своей матерью. И сейчас же Светлана уловила немой язык взглядов трех Елен, видимо очень любящих друг друга и привыкших все понимать даже без слов. Взгляд Елены Евгеньевны в сторону Елены Ивановны: «Ты нам поставишь чайник, мамочка?» В сторону Лены-маленькой: «Посмотри-ка, дружок, осталось ли еще в буфете рассыпчатое бабушкино печенье».

Елена Ивановна сейчас же удалилась, именно не ушла,

а удалилась, милая такая, внимательная, еще по-молодому стройная, хотя и седая.

А Лена-маленькая очень деликатно, как бы мельком, заглянула в буфет и успокоительно посмотрела на мать: рассыпчатого бабушкиного печенья еще предостаточно.

На редкость увлекательное было печенье! Светлана съела целых три штуки и с трудом удержалась, чтобы не потянуться за четвертым.

Хороший был вечер... Сегодня будет не так. Любопытно, как встретят сегодня?

Открыла на звонок Лена. Растерялась даже, не сразу пригласила войти.

Пока Светлана снимала боты, Лена бросилась в столовую. Полуиспуганный, полунегодующий шепот:

– Мама, это Светлана Александровна!

Та же комната с отстоявшимся уютом, который старательно поддерживают все три Елены. Но хотя трубы отопления работают вполне исправно, в комнате холодок.

Даже тугая отутюженная скатерть не зовет к себе, а отгаликивает. Блестящий паркет будто предупреждает, чтобы не смели по нему ходить всякие нежеланные гости.

Елена Евгеньевна встает не спеша – гораздо медленнее, чем в первый раз.

Пожатие руки холодное, официальное. Бабушка у двери в спальню. Светлана кланяется издали: где-то приходилось читать, что, если люди мало знакомы, желание подать руку

должен показать старший.

Опять полетели взгляды, на этот раз от периферии к центру. Елена Ивановна – Елене Евгеньевне полувопросительно: «Нужно ли ставить чайник?» Елена Евгеньевна без колебаний: «Не нужно». Леночка – матери: «Неужели ты будешь ее угощать рассыпчатым бабушкиным печеньем?» Елена Евгеньевна – Леночке: «О нет!»

Светлана села, положила сумочку на неприветливую скатерть. И вдруг сказала, как о чем-то очень неожиданном и забавном:

– А ведь ваша Леночка, Елена Евгеньевна, на меня в большой обиде.

Елена Евгеньевна с деланным удивлением приподняла красивые брови.

– В обиде за то, что по моему настоянию ей вывели тройку по физкультуре.

Елена Евгеньевна пожала плечами:

– Леночка учится в школе четвертый год. Насколько помню, это первая тройка. Не только троек – четверок у нее никогда не было.

– И по физкультуре?

Елена Евгеньевна приоткрыла ящик письменного стола и надменным жестом протянула Светлане все великолепные пятерки, полученные ее дочерью в третьем классе.

В этом движении Светлана почувствовала вызов: конечно, Елена Евгеньевна была уверена, что учительница в при-

сутствии девочки не станет осуждать других учителей.

– Вы правы, очень красивый табель. Но ведь это было в прошлом году. А как Лена этой осенью физкультурой занималась, я видела.

Лена сказала хмуро:

– Вы только один раз у нас на уроке были.

– Да, только один раз. Именно в этот раз вы себя почему-то лучше вели. Совпадение. А помнишь, Лена, два последних урока в конце четверти? Ни одного упражнения не могла сделать, да и другим мешала.

Лена спросила, чуточку покраснев:

– Вам Валентина Николаевна рассказывала?

– Нет. Мне никто не рассказывал. Я очень люблю все видеть своими глазами. Во время физкультуры у меня свободный час. Из коридора все очень хорошо видно и слышно.

Теперь Лена краснела все гуще и гуще, как краснеют блондинки с нежной кожей. Кончики ушей, казалось, стали у нее совсем горячие.

Светлана притянула ее к себе:

– Сама-то как ты считаешь, хорошо занимаешься на уроках физкультуры или плохо?

– Какой же это урок – физкультура? – прошептала девочка. – У нас ее и за урок никто не считает.

– За урок не считаешь, а пятерки получать хочется? На каком же основании ты ждала пятерки? Думала – учительница не станет портить красивый табель? Думала – учитель-

нице самой приятнее, когда у нее больше круглых отличников в классе?

В глазах мамы и бабушки – смятение и тревога. Право же, они встретили классную руководительницу с таким видом, будто она очень провинилась перед всей их семьей, а теперь пришла извиняться и налаживать отношения!

Светлана встала:

– А мне хочется, чтобы вы все честными росли, а сколько у меня будет отличников и на первом или на втором месте будет наш класс, для меня это не так важно!.. Так вот, Лена, – теперь Светлана говорила совсем спокойно и даже доверительно, – я думала, что лучшие ученики помогут нам с Валентиной Николаевной сделать так, чтобы это действительно были уроки... Я и вас, Елена Евгеньевна, тоже об этом хотела просить как члена родительского комитета. А то... ведь что же получается?.. Засучи, Лена, рукав, согни руку... Ну посмотрите сюда – кисель, а не мускулы!

– Она вообще болезненная у нас, – вставила бабушка.

– А вот посмотри-ка теперь у меня, пощупай!

Высоко закатив рукав, Светлана согнула небольшую смуглую руку.

– А можешь ты вот так сделать? Смотри сюда!

Светлана подняла обе руки и стала медленно изгибаться, как будто падать назад. Три Елены смотрели на нее с удивлением, даже страхом – ох и стукнется сейчас головой о гладкий паркет! – и с облегчением вздохнули все три, когда паль-

цы Светланы коснулись пола. Постояв так несколько секунд, Светлана легко выпрямилась.

– Ведь я и колесом на руках умею пройтись... Была бы комната попросторнее... До сих пор добрым словом поминую нашего физкультурника. А главное – никаких гриппов, никаких ангин... Ты, Лена, на коньках, на лыжах умеешь?

– Да нет же, – совсем расстроенным голосом сказала Елена Евгеньевна. – Где уж ей на коньках – чуть наступают холода, у нее сейчас же...

– ...грипп, ангина? – dokonчила Светлана. – Так поэтому ей и нужна физкультура! Не отметки хорошие по физкультуре, а сама, сама физкультура!..

Все три Елены провожали Светлану в переднюю.

– Что же вы так спешите? – говорила Елена Ивановна. – Посидели бы еще, у меня сейчас чайник поспеет!..

– Вы хоть попробуйте бабушкиного печенья. – Лена шагнула к буфету. – Ведь вам понравилось прошлый раз.

– Нет, нет, спасибо, мне пора.

Светлана вышла на лестницу, очень довольная собой.

«Интересно бы послушать, что они будут говорить сейчас, Елены мои Прекрасные».

С третьего этажа, бесшумно скользнув по перилам, съехал вниз и остановился перед Светланой круглоголовый мальчуган.

– Добрый вечер, Светлана Александровна!

– Добрый вечер, Толя.

– Светлана Александровна, а вы к нам зайдете?

– Нет, Толя, сегодня не успею. Ведь я была у вас недавно.

А вот у Володи Шибаева тогда никого не застала, мне нужно сейчас к ним.

На лице Толи – горькое разочарование.

– Вы хоть на минуточку к нам зайдите.

– Мама твоя дома?

– Нет, еще не приходила с работы, скоро придет... Светлана Александровна, вы на одну минуточку!

Светлана заколебалась, взглянув на часы. Она поняла, почему Толя так зазывает ее именно сегодня. Должно быть, увидел из окна или тут, на лестнице, что учительница ходит по квартирам, и успел прибраться комнату, пока она сидела у Некрасовых.

В прошлый раз Толя и его мама, такая же веселая и подвижная, как сын, были очень смущены, принимая Светлану. В комнате был такой вид, будто жильцы куда-то собираются уезжать или, наоборот, только что переехали. Или можно было подумать, что несколько минут тому назад произошел подземный толчок, небольшое землетрясение, после которого штукатурка не обвалилась с потолка и стены не треснули, но все вещи сдвинулись с места да так и остались в расшатанном состоянии. Разговаривая со Светланой, и мать и сын суетливо передвигались по комнате, прикрывая дверцы шкафов, выпрямляя стопку книг, лежавших почему-то на валике дивана, подпихивая куда-то в угол полотенце, бро-

шенное на письменный стол.

Ничего не поделаешь, придется зайти.

Да, так и есть. В комнате – следы торопливой уборки. На письменном столе порядок идеальный, учебники разложены, как на выставке. Кажется, даже Толя успел немножко натереть пол в самых проходных и более освещенных местах.

– Сам прибираешь комнату?

– Сам! – гордо ответил Толя.

– Молодец! И маме приятно будет с работы прийти. Не знаешь, у Шibaевых есть кто-нибудь дома?

– Отец, кажется, уже пришел с работы, а Володи нет, он у бабушки.

Уже в дверях Светлана пообещала зайти как-нибудь еще.

Толя тревожно спросил:

– Когда?

Светлана не уточнила.

Как будет удивлена Толина мама, вернувшись домой! Отца у Толи нет – этот мальчик из поколения осиротевших. Нелегко воспитывать одной такого сорванца.

Шibaевых, отца и мать, Светлана застала за ужином. На клеенке мрачноватых серых тонов – две тарелки, две вилки, рюмка, и на длинном узеньком блюде – симметрично распластанная селедка со взглядом, устремленным в потолок.

Володина мать предложила поужинать вместе с ними. Светлана отказалась.

Шibaева унесла свою тарелку в кухню, ступая прямыми,

как будто деревянными ногами по чисто вымытому, ненатертому паркету. Ничего мягкого, закругленного в ее фигуре. В особенности это стало заметно, когда она повернулась спиной и лопатки задвигались под вязаной кофтой, как части какого-то деревянного механизма.

Володин отец продолжал жевать, положив по обе стороны тарелки выступающие из рукавов пиджака тяжелые руки, узкие в запястье, широкие в кисти.

– Я даже рада, что Володи нет дома, – начала Светлана. – Мне хотелось поговорить с вами о мальчике. К сожалению, вы не были на родительском собрании, но вы, конечно, видели Володин табель и знаете, что у него четверка по поведению.

Шibaев кивнул головой, продолжая медленно двигать челюстями.

– Не беспокойтесь. В тот же день, как Владимир табель принес, я его поучил. Теперь будет умный.

– Вы сами с ним занимаетесь? – не поняла Светлана. – Помогаете учить уроки?

Володин отец усмехнулся:

– Ученье мое короткое – снял ремень да и отодрал как сидорову козу.

Светлана, задохнувшись от ужаса, все еще не совсем понимая, молча смотрела на огромные руки, на медленно жующие челюсти.

С тринадцати лет она жила в детском доме, где самым

тяжелым наказанием был разговор в кабинете директора и сознание того, что Наталья Николаевна тобой недовольна. Еще раньше, бесконечно давно, еще до войны, мама говорила иногда: «Посиди и подумай». Конечно, в особенности когда жила в деревне, приходилось видеть, как под горячую руку шлепала измученная домашними заботами мать озорного малыша по мягким частям...

Но ведь это же совсем другое!

Она смотрела на руки Шибаева... Он это сделал в тот день, когда Володя принес табель. Как раз перед праздниками и потом, в начале четверти, Володя был какой-то подавленно тихий, и Светлана самодовольно решила: дошло, задумался... О, как это отвратительно!

Она встала, резко отодвинув стул:

– Послушайте! Вы знаете, что сказал один раз Чехов в минуту откровенности? Что он никогда, слышите – никогда не мог простить своему отцу, что тот порол его в детстве!

Шибаев смотрел на нее удивленно.

– Вы только подумайте... вырастет ваш мальчик... может быть, вас уже в живых не будет, а он будет помнить... и не простит. Все можно простить... насилие и унижение простить нельзя!

Она сама чувствовала себя униженной. Ей казалось, что ее заставили принять участие в этом насилии. Неужели права была Ирина Петровна, когда говорила: «Погодите, не торопитесь снижать отметку по дисциплине!» Знала она что-

нибудь про эту семью?

Светлана метнулась в переднюю.

Володина мать вышла вслед за ней.

– Вы напрасно так волнуетесь, – сказала она. – Тонким ремнем...

Светлана закрыла руками лицо и, не застегнув шубы, не попрощавшись, выбежала на площадку лестницы. Быстро спустилась на первый этаж... Нет, так нельзя. В этом доме в каждой квартире могут быть ученики из ее школы. Приостановившись, она запахнула шубу.

До двери оставалось всего несколько ступенек, и, когда Светлана шагнула на первую из них, кто-то вошел в парадную дверь.

В полумраке Светлана увидела мальчика. Он шел сутулясь, и слишком длинные руки торчали из рукавов слишком короткого пальто. Володя Шibaев не торопился возвращаться домой. Сделав два шага по лестнице, он вдруг поднял голову и встретился глазами со Светланой. Ей показалось, что их взгляды зацепились друг за друга.

Бывает вот так. В дверях дома или на улице идет человек навстречу, и вдруг мелькнет что-то в глазах... Шагнешь вправо, уступая ему дорогу, – и он туда же шагнул. Шагнешь влево – и опять столкнулись... А потом уже оба знают: куда бы ни двинуться, все будет не попад – не разойтись!

Володя прижался к стене, пропуская учительницу, и Светлана отступила туда же. Потом обоих, как привязанных к

гигантскому маятнику, качнуло в другую сторону... и еще раз...

Наконец Светлана заставила себя, не двигаясь, стоять на месте. Володя прошмыгнул вверх... Светлана бросилась к двери.

И все это молча... ни одного слова друг другу не сказали... А что можно было сказать?... «Добрый вечер, Володя, я была сейчас у твоего папы...» Он и сам это понял. Что он мог подумать? Учительница приходила жаловаться на него отцу?..

Морозный ветер дул в лицо. Хорошо плакать на улице вечером, зимой, когда можно половину лица закрыть меховым воротником – и никто ничего не заметит!

Поскрипывал снег под ногами. Почему-то все под горку, под горку идет улица... Откуда здесь такая гора?

Светлана свернула в узкий переулок – и вдруг очутилась на пустыре. Здесь даже тропинки никакой не было. Белым горбом поднимался невысокий холм с торчащими из-под снега жесткими голыми ветками. А за холмом – крутой обрыв и река внизу.

Почему река? Светлана не сразу сообразила, что, выйдя из дома, повернула не назад, в сторону площади, а пошла по улице дальше – и вот дошла до самого конца.

Очень не хотелось возвращаться той же дорогой... Может быть, удастся пройти дворами, вдоль реки?

Слева – высокие дома с ярко освещенными окнами. Спра-

ва – непонятное нагромождение сараев, унылых серых заборов, какие-то складские помещения...

Зачерпывая ботами колючий, холодный снег, Светлана прошла мимо толстостенной кирпичной коробки с широкой дверью, над которой сохранилась полустертая надпись, всего несколько букв. Две буквы совсем какие-то странные...

Ах да, ведь это же ять и твердый знак!

Далекое прошлое подкралось сзади к новым светлым домам, вросло в землю и не хочет отступать...

Темная арка ворот. Маленький пустой двор. Еще ворота...

И вот опять знакомая улица. Ярко горят фонари... И люди идут навстречу.

Пониже надвинуть на глаза меховую шапочку, повыше поднять воротник... Домой, скорей бы добраться до дома!..

Сунув ключ в замочную скважину, Светлана сейчас же услышала шаги в передней.

Дверь открылась ей навстречу. Костя тревожно спросил: – Ты что так поздно?.. Светланка, да что случилось, что с тобой?

Он обнял Светлану и торопливо увел в комнату, чтобы не увидел кто-нибудь ее заплаканное лицо.

И так приятно было опереться на сильную, твердую руку, прижаться щекой к твердому плечу.

IV

Самое трудное было заставить себя на следующее утро войти в класс. Собиралась в числе других ребят спросить и Володю Шибаева.

Смалодушничала и не вызвала его к доске.

А Володя на уроках вел себя вызывающе. Куда девалась его подавленная, молчаливая покорность! Он как будто хотел сказать учительнице: прибежала к отцу, пожаловалась, так вот же тебе – не боюсь!

А у Светланы не было привычной веры в свою силу: «Мой верх!» Нет, с Володей Шибаевым так не получалось.

После второго урока она готова была отозвать Володю в учительскую и сказать ему: «Володя, слушай, я не беру у тебя дневник и не вписываю туда замечания, потому что знаю – отец накажет тебя, а я этого не хочу!»

Нет, так нельзя. Не горячиться, больше хладнокровия. Вместо Володи она позвала в учительскую Толю Якушева, попросила помочь ей отнести карты.

– Странный мальчик Володя Шибаев, – сказала она. – Ты с ним дружишь. Не знаешь, почему он такой?

– Какой – такой? – дипломатично переспросил Толя.

– Да как-то непонятно, что он любит, чем интересуется. И почему иногда так плохо ведет себя на уроках. Ну вот ты, например, болтаешь или не слушаешься – это понятно:

просто не владеешь собой, не можешь взять себя в руки. А у Володи, наоборот, есть сила воли. Он может быть очень внимательным, если захочет, может хорошо учиться... А иногда – вот, например, сегодня – прямо будто назло все делает.

– Почему вы думаете, что у меня нет силы воли? – спросил Толя, задетый.

– Может быть, я и ошибаюсь, – быстро согласилась Светлана, – недостаточно хорошо тебя знаю. Но вот с Володей... Знаешь, ты бы мне помог, Толя. Ведь так недолго ему и на второй год остаться.

Карты уже были положены на место, но Толя не уходил.

– Вы ему опять замечание сделаете в дневнике? – нерешительно спросил он. – Вы... не делайте!.. У него папа... Вы еще не знаете, какой у него отец!

– Знаю, – сказала Светлана, – ведь я была у него дома.

– А маму его видели?

– Видела.

– Ну вот видите!

– А что Володя любит, чем увлекается?

– Он... бабушку свою очень любит!

– Нет, я в том смысле – чем он интересуется?.. А бабушка его с ними живет?

– Нет, она за городом, на Лесной улице. Туда как раз автобус ходит, около самой остановки... Он еще на коньках очень любит кататься.

Перемена кончилась. Разговор оборвался.

На третьем уроке пришлось поставить двойку хорошей ученице, Соне Ильиной. Двойки ставить всегда тяжело. И на себя досадуешь, и просто по-человечески жалко своих учеников. Недалеки еще школьные годы, отчаяние после каждого неудачного ответа.

Некоторые девочки, получив двойку, начинают плакать тут же, у доски. Соня не так. Она возвращается к своей парте с каменным лицом, на ходу вынимает аккуратно сложенный платок и, встряхивая, расправляет его. Подготовившись таким образом, садится, прижимает платок к глазам и всхлипывает потихоньку.

Жалко. И в то же время трудно не улыбнуться при этом. А улыбаться никак нельзя.

В общем, неизвестно еще, что труднее – сдержаться и говорить, не повышая голоса, с нарушителем дисциплины или сохранять серьезность, когда в классе происходит что-нибудь смешное и трогательное.

В классе сорок человек, и на каждом уроке – винегрет какой-то из горя и радости, успехов и неудач.

Последний урок сегодня – физкультура. Хотелось понаблюдать, как будет стараться Лена Некрасова. В том, что Лена будет стараться, Светлана не сомневалась. И хорошо бы сегодня пораньше прийти домой. Это был самый легкий день из всех дней недели, когда можно засесть за свои учебники – ведь не за горами сессия в заочном пединституте.

Нет, все-таки нужнее всего по горячему следу отправить-

ся на Лесную улицу, к Володиной бабушке.

«Да, так и сделаю», – решила Светлана.

На последней перемене она зашла в учительскую.

– Светлана Александровна, можно вас на минутку?

В дверях стоял мальчуган из ее класса, Андрюша Седов, и таинственным движением указательного пальца приглашал учительницу выйти в коридор.

– Зайди, Андрюша.

– Нет, вы, пожалуйста, сюда пойдите.

– Да в чем дело?

Светлана подошла к нему. Чистенький, аккуратный, очень вежливый, с глазами мечтателя и фантаста. Учился Андрюша очень хорошо. Каждую четверку воспринимал как трагедию. Но с этим мальчиком всегда что-то случалось.

– Светлана Александровна, я проглотил кнопку!

– Что, что? – не поняла Светлана. – Какую кнопку? Как ты мог ее проглотить?

– А мы играли. Ловили их ртом.

– Постой, объясни, какую кнопку? Которой платье застегивают?

– Нет, которой прикалывают бумагу.

– Так ведь она же острая! – сказала Светлана с испугом.

Таким же испуганным голосом Андрюша ответил:

– Да.

– Пойдем к доктору. Больно тебе?

– Было больно, когда она шла. – Андрюша провел пальцем

по горлу и ниже – к животу. – Теперь не больно. Только вы маме моей, пожалуйста, не говорите.

Они быстро спускались с лестницы.

– Как же можно не говорить? Почему не говорить?

– А то она будет волноваться.

«Любопытно, – подумала Светлана, – до чего же заботливый у этой мамы сын!»

Ей вспомнилась Андрюшина мать – она приходила на родительское собрание. Сидела в стороне, очень скромная, с милым и тонким лицом. Принимая Андрюшин табель, улыбнулась счастливой, гордой улыбкой. Кажется, у нее еще один мальчик, в девятом учится, и тоже отличник. А мужа нет. У половины ребят в классе нет отцов.

Школьный врач посоветовал идти в районную поликлинику к хирургу и сделать просвечивание. Кроме того, есть кашу, вообще мягкую пищу.

Андрюша спросил обреченно:

– Что же теперь? Резать будут?

– Нет, ты скажи: кто, кто придумал такую нелепую игру?

Нелепый вопрос учительницы, разумеется, остался без ответа.

Светлана решила начать с поликлиники, а потом уже перейти к мягкой пище.

Хирург дал направление на просвечивание, написал даже не по-латыни «cito!», как на рецептах пишут, а русскими буквами «срочно!». Андрюша прочел вверх ногами это сло-

во, глаза его расширились.

Очувтившись в могильной тьме рентгеновского кабинета, Андрюша струхнул еще больше и вцепился в Светланину руку. Рентгенолог в белом халате, слабо освещенный своей маленькой лампочкой, прочел записку хирурга, пожал плечами и сказал низким голосом:

– Разденься.

Принимая от Андрюши пиджачок, пионерский галстук и рубашку, Светлана поясняла, уже в третий раз:

– Понимаете, какая история вышла...

– Да, да, – кивал большой головой рентгенолог, – здесь все написано.

Большими ловкими руками он вертел тонкую Андрюшину фигурку туда и сюда.

– Стань ближе. Подними обе руки к голове. Вздохни... Так... Все. Одевайся.

Возвращаясь к своему столику, негромко сказал:

– А у парня-то две кнопки.

И стал быстро-быстро писать свою резолюцию на листке бумаги, который, казалось, сам немножко светился в темноте.

– Андрюша, как же так? Ведь ты говорил, что одну кнопку проглотил?

Андрюша молчал.

Вернулись к хирургу. Он спросил Светлану:

– Это ваш брат?

– Нет, мой ученик.

Во взгляде старичка доктора ей почудилось неодобрение.

Вот, мол, чему учат ребят в школе!

Опять выслушали совет относительно каши. И – последить за судьбою кнопок.

На обратном пути Андрюша вдруг сказал:

– Другая кнопка – это еще в воскресенье.

– Говорил ты кому-нибудь о ней? Ходили к доктору?

– Нет.

– Но почему же?!

– Ведь это было в выходной день. Вам я не мог сказать.

– А маме?

– Мама стала бы волноваться. Вы ей, пожалуйста, ничего не говорите, Светлана Александровна!

Светлана отвела Андрюшу в буфет и поручила его заботам буфетчицы Нюры, а сама поднялась на четвертый этаж. Девятые – во вторую смену... Сейчас у них урок кончится.

В коридоре Светлана спросила у ребят, где Вадим Седов из девятого «А».

Высокий красивый парень, стоявший у двери класса, громко позвал:

– Вадим! Тобой интересуется очаровательная девушка!

Он не мог не знать, что Светлана учительница, так как девочки из комсомольского бюро, поздоровавшись с ней, называли ее по имени и отчеству.

Чуть покраснев, Светлана ждала Вадима.

Он был очень похож на Андриюшу. Такой же скромный, вежливый, большеглазый. Светлана вспомнила, что видела его в комитете комсомола.

Не хотелось говорить под взглядом того, стоявшего у двери. Она попросила Вадима спуститься в буфет. Ее тронуло, как близко к сердцу принял всю эту историю старший брат.

«Приятный парень», – подумала она.

– Понимаете, он просит ничего не говорить вашей маме. Но ведь нельзя же не рассказать! Или ваша мама болезненная очень? Если у нее что-нибудь с сердцем...

– Нет, нет, – сказал Вадим, – просто она всегда очень расстраивается. Видите ли, мама нас очень любит.

– Вы-то сами говорите ей, когда что-нибудь с вами случается?

Вадим ответил голосом покорного сына:

– Я-то обо всем говорю.

У него был очень озабоченный вид.

Светлана вдруг засмеялась:

– Мне кажется, что с вами, Вадим, ничего такого экстравагантного случиться не может!

Он ответил без улыбки:

– Надеюсь, что да.

Андриюшу они застали за второй тарелкой манной каши.

– Как же это тебя угораздило, Андриюшка? – с упреком спросил Вадим.

Было решено, что Светлана проводит Андриюшу домой и

расскажет обо всем его маме.

– Мама должна все знать. В конце концов, что сказал доктор: надо проследить за судьбою кнопок!

Вадим сначала не понял, что означало возвышенное слово «судьба» применительно к кнопкам. Кажется, он хотел просить пояснений. И вдруг смутился, покраснев.

Андрюшина мать была художница. На рабочем столике лежало несколько незаконченных акварельных рисунков – видимо, иллюстрации к детской книге. Чистые, яркие краски, какая-то наивная непосредственность – казалось, сами дети могли бы нарисовать так, если их подучить немножко.

Анна Георгиевна – так звали Седову – испуганно встала навстречу Светлане: Андрюша пришел вместе с учительницей... и так поздно!

– Случилось что-нибудь?

Подбирая самые осторожные выражения, Светлана рассказала обо всем. Побледнев, Анна Георгиевна обрушила на голову сына целый ливень укоризненных восклицаний, поцелуев и слез.

Андрюша, молча и тяжело вздыхая, с упреком смотрел на Светлану.

«Может быть, действительно не нужно было рассказывать?» – думала Светлана, возвращаясь домой.

Как могла, она старалась успокоить взволнованную маму. И чувствовала свое бессилие. Как и в разговоре с отцом Володи Шибаева, ей мешала ее молодость. Трудно внушить

женщине, которая вдвое старше тебя, что нельзя терроризировать сыновей своей любовью. Трудно убедить сорокалетнего мужчину, который смотрит на тебя как на девочку, что даже дрессировщики собак умеют воспитывать, не причиняя боли.

И до чего же несправедливо распределена в природе материнская любовь! Взять бы немножко любви и волнений у Анны Георгиевны Седовой, прибавить их к деревянной мамаше Володи Шибаева...

На полпути Светлана вспомнила, что нужно еще забежать в школу за тетрадями.

Домой вернулась не раньше, чем обычно, а много позднее. Вот и получился вместо легкого дня день хлопотливый.

Сорок учеников в классе, сорок тетрадей по русскому, сорок – по арифметике. Да еще домашние всякие дела...

Прошло еще несколько дней, прежде чем Светлана собралась наконец поехать к Володиной бабушке.

V

Адрес был весьма неточен: «около самой автобусной остановки».

Но большей точности и не потребовалось: на этой улице Марию Николаевну Шибаеву знали все.

Впрочем, вряд ли это можно было назвать улицей. Несколько маленьких домиков, нарядных от снега, смотрят на дорогу из-за невысоких изгородей. А по другую сторону дороги белое поле блестит на солнце, покато спускается к реке. За рекой – лес.

Светлана подошла к одному из маленьких домиков. Белый палисадник. Чуть покосившаяся дверь.

На стук ответил негромкий женский голос:

– Не заперто!

Маленькая кухня, вся залитая солнцем. На окнах цветы – плющ, розовая бегония, еще что-то. Тепло и чисто. Русская печь занимает половину всего пространства. От нее-то и тепло. Еще тепло от взгляда старой женщины.

– Учительница? Да какая же ты молоденькая! Садись, до-рогаинькая... Прости: пироги из печи пора вынимать.

И выдвинула ухватом большой противень с пирогами, поставила на стол, прикрыла полотенцем.

Еще выдвинула глиняную кринку. Вкусно запахло теплым молоком. Закрыла дверцу печи.

– Топленое молоко любишь?

– Люблю.

– Вот и будешь сейчас пить. Володя мой тоже любит. Чтобы с пенками.

– Он к вам придет сегодня?

– Да. Каждое воскресенье приходит.

Светлана взглянула на ходики.

– Да ты не беспокойся, еще не скоро придет. Часам к двенадцати, не раньше.

Светлана даже смутилась: уж очень здорово умела читать мысли Володина бабушка!

Она не похожа ни на сына, ни на внука. Пожалуй, руки похожи, но они по-женски мягченные, легко и ловко переходят с одного предмета на другой.

Пирогамы Мария Николаевна угощала в комнате. Там было еще больше солнца и цветов. Пирог с морковью и яйцами – никогда таких вкусных не ела. Изумительные пенки в розовом топленом молоке.

Разглядывая комнату, Светлана увидела на шкафу незаконченную модель самолета из тонких планок.

– Это Володина работа?

– Да.

А в сенях стояли лыжи и санки. Светлана вспомнила, что ничего такого специфически мальчишеского у Володи дома она не заметила.

– Ему бы с вами жить.

– У него родные отец и мать.

На стене висела фотография в коричневой рамке. Светлана подошла.

– Это ваша семья? Сколько же у вас детей, Мария Николаевна? И все – мальчики?

– Пять сыновей.

– Вот это, должно быть, Володин отец? Он на вашего мужа похож, а остальные – на вас.

– По-всякому бывает. Один сын отца повторит, а другой с отцом спорит.

Светлана поняла: спорит – не в буквальном смысле, а всем поведением, характером своим.

Мария Николаевна тоже смотрела на фотографию.

– И ведь вот как бывает: Павел, младший мой, отца почти и не помнил, а весь в него.

Не про внешнее сходство говорила Володина бабушка.

– Ваш муж давно умер?

– А я, дорогаинькая, пятнадцать лет с ним прожила, а на шестнадцатом ушла от него. И ребят всех забрала с собой.

Светлана вглядывалась в лицо человека, хозяином восседающего в самом центре снимка. Но почему Мария Николаевна хранит эту фотографию?

– Трудно вам было их всех вырастить?

– А уж это – как говорится: «Маленькие детки спать не дают, а с большими и сам не заснешь».

– А где теперь другие ваши сыновья?

– Двое – в Свердловске, на заводе работают, женаты, дети у них есть. А двое – в войну погибли.

Вот почему она хранит фотографию.

Светлана вернулась к столу.

Мария Николаевна сказала:

– Ты на моего Володю не всегда обижайся.

– Я не обижаюсь. Почему он такой, я, кажется, понимаю.

Мне хочется, чтобы вы мне помогли.

Возвращалась Светлана задумчивая. К размышлениям о матерях прибавились мысли о бабушках.

Почему-то принято считать бабушек носителями рутины, отсталым элементом, порою даже дурно влияющим на внучат.

Справедливо ли это?

Бабушки ее учеников были первыми комсомолками, шли на рабфак. Уже имея семью, начинали учение с самых азов. Или, как Мария Николаевна, находили в себе силу освободиться из-под домашнего гнета, своими руками вы€ходить, вырастить ребят.

И вот ребята выросли. Не все и не всегда такие, как хотелось бы.

Теперь растут внуки, и с ними тоже заботы... Как это она сказала: «Маленькие детки спать не дают, а с большими и сам не заснешь»?

Лыжи стоят в сенях у Володиной бабушки... А Толя еще говорил про коньки...

К приходу Светланы Костя прибрал комнату, вскипятил чайник, накрыл на стол.

– Эх, жизнь наша холостяцкая!

– Привыкай, – сказала Светлана, – в следующее воскресенье у меня лыжный поход!

VI

О лыжном походе сначала договорились с Вале́й. Потом нужно было получить благословение завуча. Светлана знала, что Ирина Петровна будет возражать. «Имейте в виду, что вы приобрели себе врага».

Светлана не сомневалась в этом и приготовилась защищаться. Но на нее никто не нападал. Каждое утро Ирина Петровна встречала ее с самым любезным видом, как и прежде, заходила посидеть на уроке. Доброжелательно указывала на ошибки. Только вот, пожалуй, больше находила ошибок и при большем числе свидетелей старалась их отмечать. Порою Светлана слышала реплики: «А ведь такой сильный был класс!» Подразумевалось: был сильный класс все три года, при Любове Ивановне, старенькой учительнице, которая вышла на пенсию.

В начале второй четверти пришел в школу инспектор гороно. Ирина Петровна разговаривала с ним у себя в кабинете. Дверь в учительскую была открыта. Инспектор спросил:

– Скажите, а как справляется новенькая ваша... забыл ее фамилию... маленькая, черненькая... помните, которая так интересно проводила урок? Мне бы хотелось зайти в ее класс.

Ирина Петровна ответила:

– Кажется, у них сейчас физкультура.

Физкультуры не было в этот день в четвертом «В». Ирина Петровна говорила еще что-то негромко. Долетали только отдельные фразы:

– Снизилась дисциплина... Да, не раз вспомнишь нашу Любовь Ивановну... Игры какие-то на переменах нелепые. Представьте себе – дети глотают кнопки.

Как будто именно Светлана обучала их этому занятию! Инспектор так и не зашел в ее класс.

– Лыжный поход? – удивилась Ирина Петровна, когда Светлана сообщила ей о предполагавшемся «мероприятии».

«Мероприятием» назвала это вожатая, восьмиклассница Наташа, длинными косами, стройностью и красотой напоминавшая Светлане Надю Зимину.

«Мы в третьем классе таких мероприятий не проводили. Но думаю, что ребята отнесутся положительно. Вот только лыжи не у всех есть».

Ирина Петровна сказала другое:

– А вы не думаете, что это поставит в затруднительное положение руководительницу четвертого «Б»? Она пожилой человек и не может, конечно, сопровождать своих учеников.

– Мы как раз думали об этом, – возразила Светлана, – и решили идти вместе с четвертым «Б». Валентина Николаевна пойдет, я и двое вожатых. Думаю, справимся.

Лыжный поход удался, но ребят было мало. Одних не пустили заботливые родители, боясь простуды, не у всех была подходящая обувь, да и лыжи не всем удалось достать. Про-

шли, конечно, немного, зато смеху и веселья было достаточно.

– Ничего, – говорила Светлана Вале, – для первого раза неплохо.

Ее огорчило, что не было Володи Шibaева: не пустил отец.

– Его папа говорит: «У тебя четверка по поведению – никаких лыжных походов!» – так рассказал об этом Толя Якушев.

Валя, физкультурница, оказалась живой и веселой, совсем не такой рохлей беспомощной, как на уроках в школе.

На следующий день на перемене Лена Некрасова с восторгом рассказывала своим подружкам, как она падала, спускаясь с горы.

– Обязательно, обязательно попрошу маму купить лыжи! – говорила Соня Ильина. – Так и скажу: никаких подарков к Новому году мне не нужно!

Володя Шibaев стоял у окна еще молчаливее, чем всегда, и еще мрачнее.

Разговор о катке Светлана начала дипломатично. Зашла в комитет комсомола к Вадиму Седову, брату Андрюши, который с кнопками. (Кстати, за судьбой одной кнопки удалось проследить, судьба другой пока оставалась неясной. Никаких неприятностей Андрюше, впрочем, эта затаившаяся кнопка не причиняла.)

И комсомолы, и ребята из совета дружины, понимает-

ся, загорелись при мысли о собственном катке около школы. Вспомнили, что такой каток был, но в последние годы почему-то не расчищался и не поливался, завален строительным мусором.

Ребята сами говорили со старшей вожатой и с директором. Светлана как бы стояла в стороне.

Но Ирина Петровна не могла не заметить, что Светланин класс старался больше всех.

Однажды вечером, азартно толкая перед собой широкой дворницкой лопатой нарастающий снежный сугроб, Светлана услышала голос Ирины Петровны:

– Боюсь, хулиганства будет много с этим катком.

Светлана подняла голову. Ирина Петровна стояла рядом с директором на уже очищенной от снега половине катка и осуждающе смотрела на веселую суету.

В высоких ботах на высоких каблуках, сухая и тонкая, без всяких признаков румянца, будто заколдовали ее от мороза и ветра.

Светлане вдруг захотелось на минуту войти в оболочку Ирины Петровны, посмотреть на мир ее глазами, понять, о чем она сейчас думает, что чувствует... На одну минуту, не больше, – уж очень скучное «я» у этой женщины и очень скучно для нее все, что кругом!

С интересом Светлана ждала, что ответит директор.

Он стоял в распахнутой шубе, широкий и добродушный, ответил, как всегда, желая всех примирить, никого не осуж-

дая:

– Хулиганить-то можно и без катка.

– Уж слишком увлечены ребята, – кислым голосом заметила Ирина Петровна. – Боюсь, не отразилось бы это на успеваемости.

Все знали, что успеваемость – болезненное место директора. Он промолчал.

Директор и завуч отошли. К Светлане подбежали мальчики из ее класса.

– Светлана Александровна, а мы соревнования будем устраивать?

– Обязательно. Кто у вас главный чемпион?

– Володя Шибаев! – в один голос крикнули ребята. – Вот вы увидите, как он бегает!

Володя Шибаев стоял позади всех с лопатой в руках, весь обсыпанный снегом, и улыбался смущенно и гордо, предвкушая будущий успех. Светлана первый раз видела, как он улыбается.

Каждый вечер, стоило только лечь в постель и закрыть глаза, перед Светланой вставали рассыпчатые горы снега, сдвигаемые широкой дворницкой лопатой. Потом стал мерещиться перед сном длинный шланг, из которого хлещет вода, и мелкое озеро с рябью от ветра, с фонарем, перевернутым вниз головой.

Так было по вечерам. А утром появлялись тревожные мысли, потому что успеваемость за эти дни действительно

снизилась.

Как и предсказала Ирина Петровна, ребята, увлеченные расчисткой пустыря и поливкой катка, не всегда успевали приготовить уроки.

Самые азартные строители пострадали в первую очередь. Особенно обидно было, когда совсем плохо по русскому ответил Володя Шибаев.

Светлана не успела еще сказать ему «садись» и поставить двойку, как раскрылась дверь и в класс вошла Ирина Петровна с директором.

Вдвоем они явились к Светлане на урок в первый раз.

Присутствие начальства иногда смущает, иногда, наоборот, подстегивает. Плохо то, что в первые несколько минут никак не удается сохранить свою обычную интонацию, начинаешь немножко играть, будто на сцене. Самое правильное – просто забыть, что за последней партой сидят взрослые дяди и тети, увлечься тем, что рассказываешь, и уж если играть – каждый педагог должен быть немного артистом, – играть только для ребятешек.

Можно было бы, разумеется, поскорее посадить Володю на место и вызвать кого-нибудь из надежных учеников – Андрюшу Седова или Лену Некрасову, – эти не подведут. Самолюбие не позволило. К тому же присутствие Ирины Петровны всегда подстегивало. Светлане вспомнились слова Печорина: «Я люблю врагов, хотя и не по-христиански. Они волнуют мне кровь...»

– Так как же, Володя, – сказала она, – не выучил урока?
– Не выучил.

В классе стояла гнетущая тишина.

Светлана знала, что ребятам стыдно, что они жалеют учительницу, попавшую в тяжелое положение, – сама «переживала» в подобных случаях за любимых учителей.

Значит, любят?

Она вызвала Толю Якушева и еще нескольких мальчиков, из тех, кто особенно хлопотал на катке. Ответы были весьма слабые.

– Так, – спокойно сказала Светлана. – Теперь будем разбирать предложения. Андрюша Седов: «Мы заливали водой каток», – где подлежащее?

По классу будто какая-то радостная волна пробежала.

Андрюша бодро встал и ответил:

– «Каток»!

Охнув, поправился:

– То есть «мы»!

– Так. Якушев: «Я работал весь вечер на катке и не успел выучить уроки». «Уроки» – какая часть предложения?

Якушев ответил и прибавил с покаянным видом:

– Очень важная часть. Даже важнее, чем подлежащее!

– В том-то и дело, – сказала Светлана. – Шибаев!

Володя вторично поднялся над партой.

«Ведь засыпался уже один раз, чего же вы от меня хотите?» – было написано на его лице.

– «Сегодня вечером я уроки обязательно выучу». Где сказуемое?

Наморщив лоб, Володя задумался на секунду и вдруг улыбнулся – второй раз на этой неделе:

– «Выучу»!

Каток обновили в субботу. Вечер был ясный, с морозцем, с ярко-розовым закатом, предсказывающим ветреную погоду на завтра. А сегодня было еще тихо, и каждая веточка, мохнатая от легких кристаллов инея, хранила свою красоту. Деревья бульвара, те, которые впереди, казались нежно-серыми на фоне заката, а рядом – справа и слева – они стояли как белые кораллы, и небо над ними было еще голубое.

После уроков Светлана заходила домой и теперь возвращалась в школу с коньками под мышкой.

Именно в этот час перед наступлением темноты собирались над городом большими стаями галки. Сначала они появлялись на горизонте темным облаком, быстро меняющим свою форму. Приближаясь, облако распадалось на точки... Вот уже видно, как старательно машут крыльями большие черные птицы и слышатся их голоса. Если тихо на улице, можно даже услышать шум крыльев. Они летают над городом непонятно для чего и почему. Глядя на них, становится весело и тревожно. Потом они исчезают все сразу, всегда в одном направлении.

От бульвара мимо школы улица шла вниз, и новый каток

был виден сверху издалека. Там двигались маленькие темные фигурки. Казалось, будто птицы после своего общего собрания не улетели всем коллективом ночевать в городской парк, а опустились на землю, обернулись мальчишками и девочками и скользят на льду, суется в центре и плавно вращаясь всей стаей.

«Галчата вы мои милые!» – с нежностью подумала Светлана.

Галчата были разной величины. В середине толклись неопытные малыши с белыми следами падений на спине и коленках. С краю на беговой дорожке проносились длинноногие старшеклассники, похожие скорее на журавлей и страусов, чем на галчат.

– Светлана Александровна, идите к нам!

Лена Некрасова ковыляла ей навстречу, поддерживаемая с двух сторон более опытными подружками. Она то стремительно нагибалась вперед, почти складываясь пополам, то откидывалась назад, не поспевая за своими ногами.

– Сейчас переобуюсь и приду к вам. Какие вы веселые да румяные – смотреть приятно!

Светлана искала глазами «своих» мальчишек. Они разбежались по всему катку. Увидев ее, тоже кричали:

– Светлана Александровна! А вы-то что же? Идите кататься!

– Сейчас, сейчас...

Вспыхнули фонари, будто их беззвучно подтолкнул кто-

то. Их свет был еще неярким в сумерках, но прибавил оживления на катке.

Еще одна начинающая, большая девочка из восьмого или девятого класса, оттолкнулась правым коньком и поплыла вперед, блаженно улыбаясь, неуклюже расставив ноги, раскинув руки.

А вон тот высокий парень в ярком свитере очень здорово бежит... С открытой головой, стройный такой, уверенные движения – орел!

Теперь они двигались параллельно, неумелая девочка впереди и немного сбоку. Боясь заехать на беговую дорожку, она опять оттолкнулась правым коньком. А высокий парень сейчас пронесется мимо нее – забавный контраст! Но что это? Он повернул голову в ее сторону, чуть изменил направление... Их пути уже не параллельны. Длинный скользящий шаг влево... своим коньком он легко коснулся ее пятки. Длинный скользящий шаг вправо – и вот он уже далеко, оборачивается посмотреть: что же получилось? Светлана узнала его – девятиклассник, который назвал ее очаровательной.

А девочка замахала руками, хватаясь за воздух, потеряла равновесие и рухнула на обе коленки. Проехала, уже на четвереньках, метра два и остановилась.

Высокий парень улыбнулся жесткой улыбкой: «Хи-хи! – сказала Ригалета», – и помчался дальше. Несколько мальчиков привычно засмеялись, другие подбежали поднимать.

– Ушиблась? – Светлана наклонилась к ней.

Светлана знала ребят – иногда такие вещи проделывают, так сказать, в порядке ухаживания. Но не в девятом же классе! Да и девочка эта нравиться ему не могла: неловкая и не хорошенькая. Она вставала с жалкой гримасой, часто мигая белесыми ресницами.

– Покажи коленки. Ссадила, должно быть? Пойдем, я тебе йодом намажу.

– Да нет, ничего.

Прихрамывая, девочка сошла с катка на снежную дорожку. Парень, толкнувший ее, описал полный круг, спокойно возвращался. Рядом с ним бежал Вадим Седов. Светлана пошла им наперерез.

– Послушайте, Ригалета!.. Да, это я вам, вам говорю! Пойдите-ка сюда.

Он выпрямился, замедляя ход, подъехал к Светлане.

– Вы меня позвали? Так ведь у меня фамилия есть!

– Я как раз и хотела узнать вашу фамилию.

– Новиков.

– Так вот, Новиков. Каток мы делали в основном для младших ребят. Можете, конечно, кататься и вы, но умеете себя вести.

Он спросил не без наглости:

– Вы это о чем говорите?

– Вы толкнули вон ту девочку, она упала и ушиблась.

Он пожал плечами.

– Может быть, и толкнул нечаянно. В такой тесноте со всяким может случиться.

Он обернулся к пострадавшей, с шутовским видом приложив руку к сердцу и раскланиваясь:

– Извиняюсь!

Светлана сказала:

– Вы толкнули нарочно, я видела.

– Вам показалось. И все равно, я же извинился. Могу еще раз. – Он опять приложил руку к сердцу.

– Брось, Леонид, – серьезно сказал Вадим, – мы все тебя хорошо знаем.

Кто-то из малышей спросил тонким голоском:

– Вы его поведете к директору?

– Нет. Я думаю, на вашей катке вы сами сумеете поддерживать порядок – пионеры и комсомольцы.

Она отошла. Все тот же тоненький голосок визгливо и радостно повторил: «Ригалета!»

Засмеялись и другие ребята.

Светлана злорадно подумала, что кличка прилипла, присохла к Леониду Новикову, что не расстаться ему с ней до окончания школы, до последнего выпускного вечера, а может быть, и дальше, в институт с ней пойдет.

Но разве может учитель награждать прозвищами своих учеников? Ведь это же непедagogично!

И еще: опять оказалась права Ирина Петровна своей неправой правотой: разумеется, будет хулиганство на катке,

она совершенно верно предсказала!

Светлана поднялась на снежный бугор, отсюда весь каток был хорошо виден. И только сейчас поняла, с каким нетерпением искала в шумной стае ребят...

«Где же мой главный чемпион? Утром совсем неплохо ответил по русскому и по арифметике. То-то небось счастлив теперь! Где же он?»

Светлана повернулась и пошла к школе – переобуться и надеть коньки – и вдруг лицом к лицу встретилась с Володей Шibaевым. Он стоял один, с обычным своим угнетенным видом, и смотрел в сторону катка.

– Ты что же не катаешься, Володя? Чемпион наш главный!

Он ответил:

– У меня нет коньков.

И отошел, тяжело ступая по снегу большими новыми валенками.

– Как же так? Володя, постой!

Но Володя уже скрылся за углом школы. Светлану догнал Толя Якушев. Последнее время Светлана с этим мальчиком была как бы в заговоре, целью которого являлось Володино благополучие.

– Вы Володю ищите?

– Да. Толя, как это случилось, что у него нет коньков? Ведь ты же сам рассказывал, как в прошлом году... Да и он говорил все время, что будет кататься.

Случилось очень просто: Володя вырос, и оказалось, что

старые башмаки с коньками ему уже не годятся.

– Нога-то у него вон какая! Тридцать девятого размера! – сочувственно и горестно говорил Толя.

– Может, купят ему?

– Нет, не купят. Отец сказал, что не купит. А раз уж сказал...

– Толя, может, у кого-нибудь из ребят есть лишние? Или обменяться?

– У наших-то? Да у него нога как две мои! Ни у кого в классе такой нет!

Светлана задумалась.

– Знаешь что? Я спрошу у старших ребят, у Вадима спрошу, Андрюшиного брата.

– Спросите! – обрадовался Толя. – Но ведь это с ботинками нужно.

– Ну разумеется!

Вадим отнесся к Светланиным словам с полным сочувствием.

– Я спрошу у ребят. Только знаете, вряд ли у кого старые остались. Такое увлечение с этим катком... Или пораздавали, или продали. – Он виновато посмотрел на свои ноги: – У меня-то сорок первый.

А Светлана взглянула на свои маленькие ботинки тридцать четвертого размера с приклепанными к ним коньками. Идти в школу и переобуваться ей уже не хотелось. Она вернулась домой.

VII

Костя был дома. И не один: в передней висело две шинели. За дверью слышались раскаты громкого смеха. Это Саша Бобров, никто другой не может смеяться и говорить так громко. Не хотелось бы гостей в этот вечер. Именно Сашу в особенности не хотелось. Засидится до ночи, нашумит, накурит... Подавив в себе это неприязненное чувство, Светлана вошла в комнату.

Странные люди – курильщики. Что может быть лучше чистого воздуха?

Затуманили, засинили всю комнату...

– Чаю хотите?

– Нет, спасибо, Светланочка, мы уже подзакусили.

Саша встал ей навстречу, большой, грубовато скроенный и сшитый, заполняющий собой и своими разговорами все пространство. На счастье, он уже собирался уходить. Наполовину раздавил Светлане руку, прощаясь.

Когда подают руку мягким киселем – неприятно. Но жать так бесцеремонно – это насилие над личностью.

Светлана спросила, удивляясь своему лицемерию:

– Куда же вы спешите? Посидите еще.

Костя вышел в переднюю проводить. Вернулся.

– Ну, как жизнь, Светланка? Ты что-то у меня совсем от рук отбилась... Фу, как накурили мы! Форточку разве от-

крыть?

Он вскочил на стул, стуча сапогами. Что-то звякнуло на подоконнике за занавеской – должно быть, поставил туда посуду после ужина.

– Представляешь себе, – Константин шумно засмеялся, прыгивая на пол, – Сашка-то наш жениться собрался. Завтра идут в загс!

– Вот как? – спросила Светлана. – На ком же?

Что с ним такое сегодня? Обычно после ухода Саши Боброва в комнате сразу становилось тихо – до звона в ушах. Сегодня было не так. Казалось, дух Саши Боброва вселился в Костю, заставлял его громыхать голосом, смехом, сапогами и стульями.

– Жалко парня, а? Правда, Светланка? Женатиком станет – конец свободной жизни!

Светлана вспомнила, что был как-то разговор о девушках и о свадьбах. И Саша Бобров самоуверенно сказал: «За меня всякая пойдет».

– Мне жаль его жену.

Костя подсел к ней на диван.

– Жалеешь девушку? Так тебе твой муж больше нравится?

– Костя, слушай, – Светлана смотрела на его сапоги, – у тебя не могли остаться старые твои ботинки с коньками, довоенные еще, конечно, школьные, тридцать девятый, ну, в крайнем случае сороковой размер?

– Право, не помню. – Он задумался. – Может быть, дома

где-нибудь и лежат.

«Домом» он называл маленькую квартиру под Москвой. После смерти Костиной матери туда переехали ее родственники.

– А ты не можешь туда написать? Только поскорее.

– Могу, конечно. Впрочем, не думаю, чтобы остались. Отдал кому-нибудь или мама отдала. Светланка, а зачем тебе башмаки с коньками сорокового размера? А? Признавайся! Ведь это не женский, это почти уже мужской размер!

Он притянул ее к себе, обнимая как-то твердо, неудобно, даже грубовато.

Светлана отстранилась.

– Постой... Нет, я серьезно. Костя, мне очень нужно. Для мальчика одного.

– Хорошенький мальчик – с лапами сорокового размера! Светланка, ведь у тебя же четвероклассники! Маленькие дети! Нет, очень мне все это подозрительно. – Он опять хотел ее обнять.

Светлана резко отодвинулась и встала.

– Не целуй меня.

– То есть как это – не целовать? Собственную жену не целовать?

Она сказала с отвращением:

– От тебя водкой пахнет! – И отошла к окну – закрыть форточку.

День был морозный, и в комнате сразу заглодало. На

подоконнике за занавеской она увидела тарелки, два стакана, две бутылки из-под водки и одну темную, из-под вина, с длинным узким горлышком. Неужели вдвоем можно выпить все это?

Светлана вынесла грязную посуду в кухню, сунула пустые бутылки в шкаф.

Вымыла все, убрала. Ей не хотелось возвращаться в комнату.

Казалось, там ждет ее не Костя, а чужой человек – чужой и даже враждебный.

А Костя стоял посредине комнаты с самой добродушной улыбкой.

– Я спать лягу, Светланка.

– Ложись, если хочется. Я еще почитаю, мне заниматься нужно.

Она постелила ему на диване, отошла к письменному столу.

– Светланка...

Он пошел к ней, пробираясь между обеденным столом и стоявшими вокруг стульями. Стулья с грохотом поворачивались, каждый по-своему, скатерть сдвинулась, перекосилась, пошла глубокими складками. Ваза с зелеными ветками отъехала на край. Вся комната сразу приобрела какой-то неряшливый, нетрезвый вид.

– Ложись, – сказала Светлана, резко отстраняясь от его протянутых рук. – Отойди от меня, слышишь, ты мне отвра-

тителен!

Она оттолкнула его обеими руками, поправила скатерть, потушила верхний свет.

Константин сел на диван и медленно стал снимать сапоги.

Светлана взяла учебник, развернула на заложенном месте, прочла страницу, еще полстраницы, не понимая ни одного слова, только прислушиваясь к шорохам за спиной.

Скрипнули пружины дивана, еще и еще... потом затихли.

Светлана отложила учебник, взяла полотенце, пошла в ванную. Вернувшись, покосилась на диван – спит, кажется.

Осторожно ступая в мягких тапочках, потушила настольную лампу, прикрытую пестрым шелковым платком. И совсем по-кошачьи тихо забралась под одеяло, на свою кровать.

Теперь в комнате было почти совсем темно. Только с улицы проникал тусклый свет между неплотно сдвинутыми половинками шторы – не то уличные фонари, не то луна...

Светлана лежала на спине, вытянув руки поверх одеяла. Спит Костя или нет? Тишина в комнате была какая-то насто-роженная, не спокойная.

Нет, разумеется, он не спит. Когда спят – это не так тихо. Он лежит, затаив дыхание, и слушает.

Откуда светлая полоска на стене? Фонарь или лунный свет? Это лунный свет, потому что он медленно движется. Когда ложилась, он захватывал притолоку двери, а теперь сполз на обои.

Странно бывает – вдруг вспомнится что-то далекое, давно забытое, о чем и не вспоминала никогда.

Это было еще перед войной, когда Светланина мать, учительница, стала работать в деревенской школе. В соседнем доме жила большая семья, все ребята моложе Светланы, только один мальчик как раз ей ровесник... Сколько им было? По десять лет. Такой хозяйственный мужичок, матери во всем помогал, младшие его очень слушались.

Каждое воскресенье, а иногда и в субботу по вечерам, и в дни получки он стоял, как бы дежурил у ворот, поглядывая на широкую улицу, поросшую гусиной травкой. И вдруг сообщал матери деловитым, спокойным тоном:

«Маманька! Папаньку ведут!»

Из дома выбегала его мать, высокая, худая, с мужскими сильными руками. А к воротам какие-нибудь досужие приятели, добрые души, подводили его отца, который самостоятельно уже передвигаться не мог и висел, подпираемый их плечами.

Жена и десятилетний сын сейчас же начинали хлопотать вокруг него, объединенными усилиями протаскивали в узкую дверь, укладывали на кровать.

Светлана теперь даже не могла вспомнить его лица – только фигуру, идущую раскорякой на фоне яркой зелени и цветов. И еще запомнила – взгляд.

Неужели жена могла его любить – такого? Должно быть, любила все-таки. Когда он запаздывал вечером, она сама сто-

яла у ворот или даже отпраивлялась встречать на станцию. А когда был молодым, он, должно быть, тоже считал себя неотразимым и говорил, как Саша Бобров: «За меня всякая пойдет».

Светлана вспомнила, как пожалела сегодня девушку, Сашину невесту. Пожалела, уверенная в своем счастье...

Как медленно ползет по стене полоска лунного света! Это похоже на движение минутной стрелки на часах. Оно почти незаметно для глаза. Но вот и еще один цветок на обоях ушел в тень... Который может быть теперь час?

...Кто-то ходит по коридору – значит, еще не поздно. Кто-то постучал в дверь. Светлана сказала: «Войдите!» – и только потом вспомнила, что она раздетая, лежит в кровати. Она быстро села, накинула на плечи халат.

Дверь распахнулась так широко, что стукнула о соседкин сундук, стоявший в коридоре. Вошли двое мужчин, поддерживая третьего, висевшего на их плечах. Его голова была опущена, Светлана не видела его лица.

«Маманька! Папаньку ведут».

Откуда этот мальчик? Как его зовут? Светлана не могла вспомнить. Ваня или Сеня? И почему он не вырос за эти десять лет?

Вошедшие мужчины сказали:

«Вот, принимай хозяина».

«Что вы делаете? Зачем вы его сюда привели?»

«Как – зачем? – сказали они. – Муженька своего не узна-

ла?»

«Вы ошибаетесь! – крикнула Светлана. – Это не мой муж! Мой муж вон там, на диване спит».

Они засмеялись. Она увидела диван, ярко освещенный луной. На диване никто не спал, простыни и подушки были прибраны, как днем.

Мужчина, которого подвели к ней, поднял голову, она увидела, что у него лицо Кости. А взгляд у него был как у того соседа в деревне, отца мальчика.

А мальчик – Ваня или Сеня – сказал:

«Маманька, давай его уложим».

«Откуда этот мальчик? – крикнула Светлана. – Почему ты зовешь меня матерью?»

Светлана хотела взглянуть в лицо мальчика и вдруг поняла, что видит с закрытыми глазами. Нужно поскорее их открыть...

Она открыла глаза. На стуле, рядом с кроватью, висел ее пестрый халат. Полоска лунного света дошла до середины дивана. На диване подушки смяты, одеяло откинута. Кости нет.

Светлана лежала, прислушиваясь, минуту, две минуты. Потом надела халат и вышла в коридор. Там горело электричество и было очень холодно. Холод шел низом, вдоль пола, к ногам.

В кухне тоже было светло. На полу около раковины, вее-

ром, большая разбрызганная лужа. Костя стоял на подоконнике, форточка была открыта. Казалось, что его волосы дымятся, – это входил в комнату морозный пар.

– Слезай сию минуту! Закрой форточку.

Она сказала это совсем негромко. С таким же вот накалом приходилось говорить в школе, когда ребята делали какую-нибудь особенную гадость. И мальчишки сразу слушались, даже пугались немного.

Константин тоже, как бы испугавшись, захлопнул форточку и соскочил с окна.

– Иди в комнату и ложись. Почему у тебя волосы мокрые?

– Я умывался.

Светлана взяла его за плечи, повернула к двери. Твердые плечи, сильные руки, которые поддерживали ее, – их сила теперь была враждебна и даже вызывала страх.

Он вернулся в комнату и лег, не сказав ни слова.

Она вытерла пол около раковины, потушила свет в кухне и коридоре.

Теперь опять все началось сначала: они лежали в темноте, лежали, прислушиваясь к каждому шороху, и каждый знал, что другой не спит.

А луна совсем ушла из комнаты.

Потом Светлане почудилось, что Костя опять хочет встать и уйти. Она вскочила и повернула выключатель. Нет, он лежал спокойно. Он быстро поднял руку, защищая глаза от яркого света.

Светлана сказала с брезгливой гримасой:

– Спи, тебе завтра на дежурство идти. Ты завел будильник?

Будильник был заведен, как всегда, на шесть часов.

И опять молчание, темнота. Только смутные шорохи и тяжелые мысли.

Наконец она поняла, что теперь-то уж Костя по-настоящему заснул. И очень быстро заснула сама. И почти сейчас же – так ей показалось – зазвонил будильник.

Сразу проснуться не удалось. Когда проснулась, Константин в шинели и меховой шапке стоял у двери, собираясь уйти.

Он обернулся, увидел, скорее почувствовал – было еще совсем темно, – что Светлана смотрит на него.

Негромко щелкнула входная дверь. Шаги на лестнице, потом под окнами в саду.

Светлана закрыла глаза.

И сейчас же увидела Костю, торопливо идущего к остановке автобуса.

Помнит ли он все, что было? Если помнит – значит, сейчас думает о ее словах: «Ты мне отвратителен!» Если не помнит – старается догадаться: что же он мог сказать или сделать этой ночью?

У кого это написано: «Только женщина может жалеть, не унижая»? Кажется, у Достоевского. Жалеть приходилось. Много лет назад, когда Надя ему больно делала. Еще острее

– когда умирала Костина мать. А вот сейчас – жалко?.. Может быть, и да. Вот так пожалеть еще разика два – и что останется от любви?.. Не все женщины умеют жалеть, как им полагается!

Не все женщины... «А может быть, и не женщина я еще, просто девчонка глупая, готова из-за пустяков топорщиться... Может, ничего особенного не случилось?»

Странно все-таки... Костя старше на шесть лет – и всегда так и был: старше. А вот когда поженились, будто сравнялись годами. Ну и пусть сравнялись, это даже хорошо, только не хочу я тебя такой унижающей жалостью жалеть!

Вот Надя ему ровесница, но она всегда старше казалась.

Что бы сделала Надя, если бы ее муж, вот как вчера Костя... Только не ее муж, Алеше это совсем не подходит, его и представить себе таким нельзя! Нет, если бы Костя...

Заснуть уже не удавалось, а заснуть хотела – чтобы не думать. Ночная темнота становилась прозрачной, уходила пятнами, в окно заглядывал белый день. Сколько планов всегда перед каждым воскресеньем! Как досадовали еще вчера утром, что Костя будет занят сегодня.

В одиннадцать собиралась позвонить Вадиму Седову. Как это все кажется незначительным теперь – все волнения на катке и детское желание во что бы то ни стало раздобыть коньки для Володи Шибаева!

Вот возьму и еще посплю – никуда не буду торопиться!
И заснула.

А когда встала наконец, в двенадцатом часу, само собой захотелось куда-то идти, что-то делать. Именно идти – просто чтобы дома не сидеть.

Позвонила Вадиму. Вадим сказал, что, к сожалению, пока коньки достать не удалось.

Тогда захотелось все-таки добиться своего. Зайти разве к Шибаевым, поговорить с матерью и отцом?

Рановато еще. Но в воскресенье по делу неудобно придти вечером, надо днем. Сначала закупить все, что нужно, или сначала зайти?

Светлана долго стояла перед письменным столом, то открывая, то закрывая ящик и соображая, сколько взять с собой денег.

Деньги лежали в коробочке из-под печенья, лежали все вместе, общие с Костей деньги. Но как-то невольно всегда знала, какие Костины, какие свои. Когда тратила на хозяйство – не разделяла, а купить что-нибудь лично себе на Костины деньги было неловко.

Вообще-то денег получали много, сказочно много, в особенности Костя. Но и расходы первое время были большие: купили мебель, ведь пустая же комната, голые стены. Посуда, разные хозяйственные предметы... Костя даже занял у товарищей, теперь выплачивали понемножку, и пришлось экономить.

Поколебавшись, Светлана вложила в кошелек еще одну сторублевку из «своих» денег. Пачка десятирублевков – Ко-

стиных, – лежавшая рядом, заметно похудела за вчерашний вечер.

Пожалуй, теперь можно идти: Володя давно у своей бабушки – уезжает каждое воскресенье.

Уже войдя в переднюю к Шибаевым, даже еще раньше, чем вошла, Светлана поняла: не вовремя. Но ей уже открыла незнакомая женщина в шуршащем шелковом платье.

Вешалка в передней распухла от множества нацепленных на нее шуб, шарфов, меховых шапок. Внизу – целая коллекция галош. Из комнаты в приоткрытую дверь несется громкое пение, никакого отношения к музыке не имеющее. Пахнет чем-то острым, кислым, луком, консервами и еще... ну да, ясно, чем еще. Володина мать стоит в кухне. На кухонном столе, как на параде, выстроились пустые бутылки. Володи-на мать зажала в руке пучок зеленого лука и мелко режет его на дощечке.

Светлана хотела уйти, но Шибаева уже заметила ее. Рас-терялась немного, вытерла руки о фартук.

– Пожалуйста, заходите. К мужу товарищи пришли поси-деть.

– Нет, спасибо, – сказала Светлана, – я на самую минутку, только вам два слова...

И здесь, около кухонного стола, рядом с блюдом, на кото-ром были разбросаны остатки винегрета, Светлана рассказа-ла о Володиной мечте. Все ребята катаются, а у него коньков нет.

– Вы понимаете, как ему обидно, ведь он так хорошо... и так старался работать...

Шибаета думала о своем, о том, сколько тарелок чистых нужно поставить для сладкого пирога и не придется ли еще сходить за вином.

– Да, вырос, – сказала она, – что ж делать. Нет, новых ему отец не будет покупать. Недавно валенки справили. С деньгами придется поосторожней.

Светлана смотрела на пустые бутылки и мысленно помножала их число на цены, которые примелькались уже на прилавках гастронома.

– Ну что ж делать, – сказала она. – До свиданья.

– Давайте я вас провожу. – Шибаета опять вытерла руки.

– Нет, нет, пожалуйста, не беспокойтесь. Извините, что помешала.

Светлана повернулась к двери. Ей навстречу из коридора шел пожилой мужчина с красным лицом и осовелыми глазами. Чуть покачиваясь, он пел во всю силу легких:

Когда б имел златые горы
И реки, полные вина...

Увидев Светлану, радостно улыбнулся, как донжуан-сердцеяд, и громоподобно закончил:

Я б отдал их за ласки, взоры,
За эти черные глаза!

Он широко расставил руки, как бы желая принять Светлану в свои объятия.

Светлана отстранилась от него и выбежала на площадку лестницы.

VIII

Ветра нет, мороз небольшой, солнышко светит... В такой день на лыжах уйти куда-нибудь подальше в лес – и мысли чтоб самые веселые! Половина класса сейчас на катке. И завтра после школы тоже пойдут. Светлана знала, как заразительны бывают такие увлечения. Она представила себе Володю на переменах – в стороне от других ребят... Сама не заметила, как очутилась перед витриной спортивного магазина.

– У вас есть ботинки с коньками, размер тридцать девятый или сороковой?

– Нет.

Вообще коньков было очень мало. Продавец пояснил: очень большой спрос последние две недели. Понятно.

Могут еще быть в универмаге, в другом конце города. Но и там не оказалось. Только мужские. В городе есть два комиссионных магазина...

...Отрезы материи, шелковые халаты, шубы меховые, очень симпатичные дамские туфельки всех цветов радуги (вот такие бы к зеленому платью!) – нет коньков!

Как-то незаметно пришел вечер. Светлана вспомнила, что не обедала сегодня. Вон там булочная на углу, хоть пирожок съесть... Рядом с булочной – небольшая вывеска: «Скупка вещей от населения». Небольшая дверь... Около нее стоит

парень в короткой курточке. В глазах нерешительность, под мышкой сверток, газетная бумага прорвалась немного, торчит что-то блестящее, металлическое... Светлана мгновенно очутилась рядом:

– Вы продаете коньки?

– Да... вот хотел узнать....

– С ботинками? Какой размер?

– Сороковой.

– Покажите. Новые? Сколько стоят?

Он нерешительно развернул:

– Новые. «Гаги». Башмаки на резине. Только вчера купил – вот чек. Купил, а домой принес – жмут.

Светлана совала ему в руки деньги.

– А у меня сдачи нет...

– Позвольте, граждане, что у вас тут происходит? – раздался над их склоненными головами начальнический бас.

Милиционер! Смотрит сурово. Парень испугался не на шутку, но Светлана сказала весело:

– Не беспокойтесь, товарищ милиционер, никакой спекуляции. Молодой человек купил коньки, ему не впору, уступает мне за ту же цену... Вы нам не разменяете сто рублей?

Милиционер возмущенно пожал плечами. Но и у Светланы, и у парня с коньками был такой неискушенный в спекулятивных операциях вид.

– Вы бы хоть в подъезд зашли, – сказал милиционер наставительно. – А деньги вам разменяют в булочной.

– Спасибо за совет, товарищ милиционер! – бойко ответила Светлана. – Но согласитесь сами, что в подъезде было бы гораздо подозрительнее.

Он усмехнулся:

– Не положено ничего продавать на улице.

Получив деньги, парень ушел обрадованный. Светлана развернула покупку и осмотрела во всех деталях еще раз. На целый номер больше, чем нужно. Это, впрочем, не беда – лишний носок надеть... Но вот в чем теперь затруднение: как передать Володе, чтобы это не было подарком? Светлана присела на скамейку бульвара. Дать кому-нибудь из ребят? Вадиму, например? Нехорошо заставлять его выдумывать что-то...

Неудачно села. Напротив, через улицу, дверь закуской, и оттуда выходят мужчины с такими же точно лицами... И везет же сегодня! Воскресенье... Но почему прежде никогда на этом не задерживалось внимание?

Светлана встала и пошла к остановке автобуса. Еще не поздно заехать к Володиной бабушке.

Мария Николаевна удивилась и даже встревожилась, открыв дверь поздней госте. Сидя на своей высокой и широкой кровати с откинутым уже на ночь стеганым одеялом, она казалась особенно худенькой. И постаревшей.

Володя был и ушел. Нет, про каток ничего не рассказывал.

– Вот, вы передайте ему, пожалуйста. Только не говорите, что от меня, сами ему подарите. Пожалуйста!..

Мария Николаевна развернула коньки, растерялась:

– Дорогие они небось!

– Нет, что вы, это просто так... Мария Николаевна, толь-

ко вы ему, пожалуйста, завтра же отвезите... Вы простите, что я так нахально!.. Понимаете, вы отвезите днем, чтобы он вечером мог уже кататься вместе со всеми!

Мария Николаевна смотрела то на Светлану, то на коньки.

– Ах ты хлопотунья, хлопотунья! А ты скажи, хлопотунья, почему у тебя глаза сегодня невеселые?

...Костя уже спал, когда она вернулась домой, спал на диване «начерно», подложив под голову маленькую пеструю подушку. Обычно, если он засыпал так вечером, Светлана весело его расталкивала, внушала, что нужно отвыкать от походных привычек.

Сейчас она ходила по комнате на цыпочках, потихоньку устраивалась, осторожно перешагивала через скрипучую половицу около двери – лишь бы не разбудить!

Заглянула в кастрюли на кухонном столе: ужинал он или не ужинал? Кастрюли как стояли с утра, так и стоят.

Ну и что же! Ну и пусть!

Наконец Светлана потушила лампу, юркнула под одеяло. И только тогда поняла, что Костя давно уже не спит, по дыханию его поняла. Сама постаралась дышать как можно ровнее, глубокими сонными вздохами.

– Светлана Александровна, спасибо вам за коньки!

Это было во вторник, после уроков. Накануне Володя был весь день молчаливый и мрачный. Не спрашивала его, но знала: если спросить – ответит плохо.

А сегодня какой-то удивленный. На уроках разглядывал ее, как совсем незнакомого человека. На переменах несколько раз порывался подойти, но ребята кругом – не подошел. Сейчас они стояли во дворе, у дверей школы. Светлана задержалась в учительской после уроков, но Володя дождался.

– Почему ты меня?.. Ведь это...

Хотела сказать: «Ведь это бабушка тебе...» Но если Володя благодарит, значит, знает.

– Я уже катался вчера. Вы почему на каток вчера не пришли? Вы – поэтому?

Да, конечно, поэтому. Но удивительно, как он догадался.

– Бабушка мне сказала, что вы ее просили не говорить... то есть... А что ботинки великоваты немножко – так ведь я вырасту.

– Ты надень носок потолще.

– Да, я надел.

Какое у него хорошее лицо, застенчивое и ласковое...

– Спасибо вам!

И убежал.

Костя сегодня поздно придет, у него семинар. И вчера поздно вернулся – был у товарища, по делу. Светлана проверила тетради и пошла на каток, бегала с ребятами весь вечер.

Возвращалась неторопливо. Костя уже спал или не спал? Кто его разберет! Во всяком случае, «набело». И поужинал. Ну и прекрасно!

А утром, уже в шинели, увидел, что Светлана проснулась:

– Я сегодня задержусь, у меня партсобрание.

Ледяным тоном ответила:

– Я тоже. У меня педсовет.

И вдруг сама не заметила, как сорвалась:

– Костя, это правда, что у тебя партсобрание?

Он обернулся в дверях:

– Светлана! Неужели ты мне верить перестала?

Хотел еще что-то сказать, но времени в обрез – ему же на работу. Махнул рукой и вышел.

Светлана вскочила с постели, крикнула вдогонку:

– Да верю я тебе!

Слышал ли, нет ли – неизвестно.

Днем в магазине Светлана случайно встретила Володину бабушку.

– Мария Николаевна, что же вы меня выдали?

– Уж прости, дорогаинькая, не смогла ему неправду сказать.

Вот тебе, получай, педагог!

А Мария Николаевна закончила:

– Да ведь знает он, нет у меня таких денег, на пенсию живу.

Вечером был педсовет. Обсуждались итоги второй четверти.

И вдруг Ирина Петровна сказала:

– Товарищи, мне хочется обратить ваше внимание на некоторые нездоровые явления, имеющие место в нашей

школе. Недавно мне стало известно, что молодой преподаватель, желая повысить успеваемость, подкупает своих учеников дорогими подарками.

Светлана покраснела так, что почувствовала – все смотрят на нее.

– Вы говорите про коньки?

– Я просила бы не перебивать меня. Да, я говорю про коньки. В прошлой четверти ученику была снижена отметка по дисциплине. Сейчас у него пятерка. Но не слишком ли дорогой ценой – я говорю и в буквальном и в переносном смысле – достигнуто это улучшение? Что же это получается, товарищи? Учиться хорошо, вести себя хорошо – за взятку?

Ирина Петровна говорила еще долго. Светлана сидела опустив глаза, еле сдерживаясь. Когда Ирина Петровна замолчала наконец, Светлана спросила:

– Можно мне?

Слова полетели с большой скоростью и, кажется, очень бессвязно.

– Этот мальчик... ему нехорошо дома... А коньки... Ирина Петровна, неужели вы не помните, как бывало в детстве?... Какое-нибудь увлечение... для взрослого человека – пустяк, но для ребенка это становится главным в жизни. Не всегда родители понимают... У Володи Шибаева они такие – тяжелые люди.

– Да вы спокойнее, – добродушно вставил директор.

– А спокойно я не могу! Мне кажется, мы бываем иногда

слишком спокойны, уравновешенны, равнодушны даже! Подарка я делать, конечно, не хотела, мне самой неприятно, что мальчик узнал. И все-таки даже теперь я не жалею, что так получилось. Растаял лед между нами! Там, на катке, растаял между нами лед!

Половины того, что нужно было сказать, не сказала. Ждала: вот сейчас накинется с поучениями, послушно, вслед за Ириной Петровной, или, что еще хуже, будут молчать.

Но заговорила неторопливо, как все, что она делала, руководительница второго «Б», та самая, что предупреждала: «Вы нажили себе врага».

Строгое лицо, темные волосы гладко зачесаны, держится всегда очень прямо, одета – ничего не прибавишь и не убавишь. У нее даже имя красивое: Юлия. Юлия Владимировна.

– Светлана Александровна, а ведь спокойствие и уравновешенность – неплохие качества для педагога. Принимайтесь за свое дело горячо, но не горячитесь. И почему бы иногда не посоветоваться с товарищами? Может быть, мы бы нашли другой выход? Вот равнодушие – страшная вещь, и здесь, мне кажется, каждый должен без обиды посмотреть на свою работу со стороны. Даже не всегда равнодушие – причина: усталость, недосуг... Но мы иногда проходим мимо маленьких ребячьих трагедий, а порою и мимо больших. – Она повернулась к завучу: – «Подкуп», «взятка»... Ирина Петровна, это слишком страшные слова.

– Совершенно с вами согласен, – быстро сказал директор. – Товарищи, время позднее, мне кажется, вопрос ясен. Ирина Петровна, вот я о чем хотел вас спросить...

Он спросил о мероприятиях, намечаемых во время школьных каникул, видимо, просто чтобы дать возможность Ирине Петровне авторитетно поговорить на другую тему.

Ну и обтекаемый же человек!

Когда все стали расходиться, директор негромко сказал Светлане:

– Вы не очень спешите? Могли бы задержаться на четверть часа?

Он выждал, пока никого не осталось в комнате, подошел к окну, потрогал пальцем землю в цветочном горшке.

– Скажите, почему вы никогда не придете посоветоваться, поговорить со старшими товарищами? Молодое самолюбие? Или вы так уверены в себе? Или так уж всех начисто считаете равнодушными?

Последнюю фразу он сказал, уже улыбаясь, показывая, что разговор будет неофициальный.

Светлана вдруг почувствовала, как вся ее настороженность и внутренний протест исчезают куда-то.

– Не думайте, что я такая самоуверенная. Только... Евгений Федорович, у нас почти все учителя – пожилые люди. Посоветоваться с молодым человеком было бы легче.

– Я понимаю: по-товарищески, как равный с равным. Между прочим, ведь я и сам был молодым, не думайте, что

директора и завучи так и рождаются директорами и завучами.

– А ведь иногда можно подумать именно так!

Директор усмехнулся.

– Моя внучка – ей четыре года – недавно озадачила мать вопросом: «Мама, я знаю, откуда маленьких детей берут: дети рождаются. А вот откуда старух берут?»

– Наблюдательная девочка, – упрямым голосом сказала Светлана. – Иногда поражаешься, откуда берутся совсем готовенькие старики и старухи, без молодости, без воспоминаний о детстве, – им даже и лет бывает не так уж много!

– Вот что меня удивляет, – заметил директор. – Вы так чутки и внимательны к детям – откуда такая непримиримость к недостаткам взрослых людей? Чем отличаются взрослые люди от детей? Тем, что они взрослые. Но все-таки это люди, а не ангелы с крылышками!

– Вы считаете, что нужно быть снисходительнее?

– Нет, не считаю. Слово «снисходительный» предполагает, что снисходящий стоит на высоте.

– Тогда – терпимее?

– Тоже не так. Терпеть недостатки не имеет смысла. Терпеливо стараться их исправить – другое дело. Вообще, я считаю, что от каждого человека нужно брать то, что он может дать, и постараться, чтобы он добавил еще сколько-нибудь. Я подразумеваю – брать хорошее и не для себя лично.

– Я понимаю.

– У одного – опыт богатый, так сказать, техника, у другого

– вдохновение. – Он потянулся к своему портфелю, посмотрел на градусник за окном. – Ого! Мороз основательный!

– Наш градусник, – сказала Светлана, – на два градуса всегда прибавляет.

– У каждого точного прибора есть своя – помните физику? – поправка. Одни больше, другие меньше уклоняются от идеала. Но если знать размеры отклонения, прибором можно пользоваться – я не говорю, разумеется, о случаях явного брака. Так вы заглядывайте, если вдруг вдохновение осенит, а опыта не хватит.

Светлана энергично сжала его руку:

– Спасибо!

Она быстро прошла по коридору, заглянула в буфет – нестерпимо захотелось сладкого, хоть какую-нибудь конфетку съесть!

Внимательно оглядела стойку... Ага!.. «Языки» лежат горкой, узкие, длинные, из слоеного теста, – вот оно! Еще конфетку «Коровка» можно взять – тоже любимое.

Буфетчица положила все на тарелку, и тут только Светлана заметила, что за дальним столиком сидит Юлия Владимировна.

Светлана под села к ней.

В буфете, кроме них, не было никого.

– Спасибо вам, вы очень хорошо говорили! – начала Светлана, развертывая конфету. – Юлия Владимировна, я теперь знаю, откуда директоров берут!

– Что, что?

Светлана, с вязкой конфетой во рту, быстро рассказала о недоумении маленькой внучки Евгения Федоровича.

– Пословица такая есть: «К старости человек либо умный, либо глупый бывает». Так вот, если к старости человек станет умным, его нужно сделать директором школы – в идеале, конечно!

«Язык» был ломкий и очень вкусный. Наконец и с «языком» и с чаем было покончено.

Обе встали. Светлана вдруг сделалась серьезной:

– Юлия Владимировна, мне хочется у вас спросить... одну вещь. Можно?

– Да спрашивайте, когда вам захочется! Вы же знаете, я всегда чем только могу...

– Это – не о школе.

Светлана быстро оглянулась на буфетчицу – та смиренно сидела, отделенная пирожками и бутербродами от остального мира.

– Это очень... женский вопрос. Понимаете, у меня никого нет, с кем бы я могла... посоветоваться.

У Юлии Владимировны что-то появилось в глазах... сочувствие... любопытство... одобрение. Так, наверно, еще в каменном веке бывало, когда одна женщина другой женщине...

– Я, кажется, догадываюсь, о чем вы хотите спросить. Ну-ну!..

Когда Светлана звякнула ключом, желая открыть, дверь вдруг распахнулась сама. Костя стоял в шинели, видимо, только что пришел. В передней было темно.

– Добрый вечер.

– Добрый вечер.

Он нечаянно дотронулся до ее плеча, как бы испуганно отдернул руку и зажег свет.

– Ужинать хочешь?

– Да, пожалуйста.

Поужинали в таком же стиле – будто он в гостях, а она не очень разговорчивая хозяйка. Потом Костя зажег лампу над диваном и взял книжку. А Светлана под села к письменному столу.

Каждая тетрадь – как знакомое лицо. И почти уже знаешь, какое у какого лица будет выражение. Но сегодня и ошибки, и кляксы, и красивые букочки в тетрадях отличников – все какое-то неодушевленное. И отметки ставишь без радости и без негодования.

В комнате полутемно и тихо. Где-то очень далеко, через две двери, у соседей, чуть слышно пробили старые-престарые настенные часы. Сначала один раз, потом через бесконечно долгий промежуток времени – десять раз. Еще, казалось, несколько часов прошло – опять намек на звук: диндон! – половина одиннадцатого.

Да что же это такое!

Светлана отодвинула тетради и громко спросила:

– Костя, что случилось?

Он сейчас же ответил:

– Очень неприятная вещь случилась – я тебе стал отвратителен!

– Костя, пойдя сюда!

Даже заплакать хотелось, так быстро он подошел и схватил ее руки.

– Костя, слушай! Мне нужно тебе сказать...

– Что сказать?

– Костя, понимаешь, у нас...

– Светланка, да что с тобой?

Ну и недогадливый народ эти мужчины! Юлия Владимировна небось с полуслова поняла!

Светлана спросила:

– Костя, кого бы тебе хотелось – сына или дочку?

– Светланка! Ох! Умница ты моя! Только можно ли так пугать человека! Сына, конечно!

IX

Есть такой отдел в универмаге – «Для самых маленьких».

Кофточки, платица, распашонки, конверты... Розовое – и рядом голубое... сочетание, допустимое только в небольших дозах, для самых маленьких людей. Даже природа, видимо опасаясь быть сентиментальной, если и накладывает эти краски рядом, то ненадолго: перед восходом солнца, после заката – на какие-нибудь полчаса, не больше.

Может быть, рано еще покупать? Может быть, еще не полагается?

Около окна расковыряла бумагу, полюбовалась еще раз...

Но лучше купить байки и сшить самой. Юлия Владимировна говорит, что нужно даже сшить на руках, у покупных грубее швы. А шов нужно распластать на обе стороны. Нижние распашонки, говорит Юлия Владимировна, лучше всего сделать из старенького батиста. А где его возьмешь, старенький батист, когда все белье теперь трикотажное!

В игрушечном отделе среди румяных кукол (куклы-то еще ни к чему, да и неизвестно, пригодятся ли!) сидел заяц, целлулоидный, сдвигающимися лапками, ушастый, обаятельный. Заяц – это и сыну и дочке пригодится, заяц – это нечто универсальное!..

– Костя, я не могла не купить! – виноватым голосом говорила Светлана, разворачивая дома объемистый, но легкий

пакет.

Заяц сидит на комодке, рядом с часами, и ждет.

Между прочим, бывают очень точные выражения, в смысл которых как-то не заглядываешь, пока не представится к этому надобность.

Например, сколько раз слышала, как говорят: «Она ждет ребенка». И не вдумывалась. А ведь эти слова до предела точно выражают состояние будущей матери.

Вся жизнь теперь – ожидание, каждый отпавший листок календаря – приближение к таинственному, неизбежному, почти точно предсказанному за много месяцев вперед, тревожному и радостному – как еще назвать?

Костя хочет сына – отцовское честолюбие. А будущей маме все равно. Если будет несколько детей, пускай старший – мальчик. Если один ребенок, неважно, сын или дочка. И то и то хорошо.

Наряду с большими, серьезными чувствами и мыслями вдруг проскакивают, может быть, глупые, самолюбивые: вот и у меня будет ребенок, как у Нади! Или совсем уже практический, житейский расчет: в мае, говорят, еще не очень будет заметно. Хорошо бы! А то как же входить в класс?

В классе в третьей четверти наступил период успокоения. Ребята посерьезнели, стали поговаривать об экзаменах – ведь первый раз в жизни будут сдавать! Даже самые лодыри легкомысленные одумались и подтягиваются. Хромающие по русскому и по арифметике безропотно остаются на

дополнительные занятия. На уроках чувствуешь себя хозяйской положением.

Но, как всегда бывает, стоит только самодовольно подумывать: «Ого, какая я стала опытная! До чего ж у меня все здорово получается, без сучка, без задоринки!» – тут же и кольнет тебя затаившийся незамеченный сучок, и споткнешься о непонятную задоринку.

В раздевалке за двумя рядами вешалок – негромкий, но вполне уловимый шепот:

– Соня, ты принесла деньги на подарок Светлане Александровне?

Это Лена Некрасова спросила. А Соня Ильина (злостный неплательщик!) стыдась, но и немножко уже сердито отвечает:

– Мама сказала, что только после первого может дать!

Светлана так и застыла с рукой, протянутой к шубе. Затаилась в тени, выждала, пока уйдут девочки, – только бы не заметили! Побежала на автомат, позвонила Лениной матери:

– Елена Евгеньевна, мне очень нужно с вами поговорить! Нет, сегодня же! И очень вас прошу, чтобы Лена не знала о нашем разговоре!

Они встретились вечером на бульваре, пошли по крайней дорожке, где было темно и меньше людей. Ленина мать в тревоге.

– Я, кажется, напугала вас, – сказала Светлана, – но ни-

чего не могу поделаться, не могу ждать до завтра! Елена Евгеньевна, я сейчас услышала, что в классе собирают деньги на подарок мне к Восьмому марта. Ваша Леночка говорила с Соней Ильиной. Я не хочу обижать ребят, Елена Евгеньевна, вам это легче сделать, чем мне, вы член родительского комитета. Скажите – только, пожалуйста, сегодня же! – скажите вашей Леночке, кажется, она у них кассир, скажите, что это не нужно, нельзя, нехорошо, скажите, чтоб она вернула деньги, если кто уже внес, и больше ни с кого не требовала!

Елена Евгеньевна чуть смутилась, взяла Светлану под руку:

– Да вы не волнуйтесь так, Светлана Александровна, голубчик! Конечно, неловко получилось, что вы услышали, я понимаю. И, разумеется, Лена не должна была просить денег у Сони Ильиной: у Сони нет отца, мать получает какие-нибудь четыреста или пятьсот рублей...

Не понимает!

Светлана высвободила свою руку.

– Елена Евгеньевна, с Соней Ильиной это получилось особенно гадко, но ведь дело не в том, сколько зарабатывают родители моих учеников – пускай хоть миллион! – дело в том...

– Постойте, – мягко перебила Елена Евгеньевна, опять завладевая рукой Светланы. – Дорогая моя, мне кажется, вы противоречите самой себе. Вы не хотите, чтобы ребята вам дарили (между прочим, забывая о том, какое удовольствие для самих ребят – делать подарки!), но в то же время вы...

– Я говорю о подарках, купленных на деньги!

– Вот я и хочу сказать. Ну, а когда вы сами подарили мальчику довольно-таки дорогую вещь...

И она уже знает, все знают! До чего же нехорошо!

– Елена Евгеньевна, одно дело, когда взрослый человек, сам зарабатывающий деньги, – мальчику...

– Но ведь у мальчика есть родители, им это могло показаться... ну, упреком, что ли!

– Я думаю, они даже не заметили, есть у Володи коньки или нет!

Они постояли еще немного, уже выйдя на площадь, у фонаря.

– Ну, вы не расстраивайтесь, – умиротворяющим тоном говорила на прощание Елена Евгеньевна, – я понимаю ваше чувство и сделаю, как вы просите. Но, мне кажется, ребята будут огорчены. Правда, и говорим иногда, и даже писали об этом, но, знаете, ведь так уж повелось...

Так повелось. Да, подарки делать приятно, и в этом она права.

Вспомнилось вдруг, как еще до войны, во втором это было классе, надумали подарить что-нибудь, тоже к 8 Марта, учительнице, молоденькой веселой девушке, которую весь класс очень любил. Деньги скопили от завтраков, что-то немного, всего получилось рублей двенадцать. Девочки обошли магазины и палатки, узнавали цены и все аккуратно записывали. Светлана, уже улыбаясь, так ясно представила себе листок

бумаги в клеточку, вырванный из тетради. Крупными буквами на нем было написано:

Духи – 5 рублей.

Чашка – 10 р. 50 к.

Статуя – 9 рублей (то есть какая-то фарфоровая фигурка) – и так далее, и так далее, всего семь или восемь предметов.

Разумеется, предполагалось или – или: на все указанное в списке капитала не хватило бы.

И вдруг кто-то из мальчишек выкрал список или подсмотрел, что пишут девочки, да и ляпнул на уроке во всеуслышание радостным голосом:

«Анна Семеновна! Вам девочки хотят подарить духи за пять рублей, статую за девять рублей, чашку за десять пятьдесят...»

Как покраснела бедная Анна Семеновна! Как неловко стало за нее, за весь класс, за этого глупого парня!

Но – Светлана честно призналась себе – в чем заключалась для нее тогда главная неловкость? В том, что Анна Семеновна будет теперь ждать подарков по всему списку, то есть и чашку, и духи за пять рублей, и статую за девять, а это было, конечно, невыполнимо! Подарок все-таки был куплен. Три делегатки, Светлана в том числе, остановили свой выбор на лисице из оранжевой синельки в кондитерском магазине. Лисица была подвязана ленточкой к плитке шоколада.

«Анна Семеновна шоколадку съест, а лисицу на комод по-

ставит», – сказала маленькая Клава Маркидонова, и девочки с ней согласились.

Анна Семеновна на другой день разделила шоколадку на сорок микроскопических частей. И это было очень весело, хотя и совестно, что ей такой маленький кусочек достался. А про лисицу Анна Семеновна сказала, что она чудесная и очень ей нравится.

Может быть, и нужно было сделать так, раз уж так повелось?

Нет, лисица – это другое: у родителей денег не требовали, скопили сами, кто хотел... Как скопили – не завтракали?

...Через несколько дней загрипповала Валя, физкультурница. После четвертого урока Светлана сказала ребятам, что физкультуры не будет, можно идти домой.

Но ребята что-то не спешили уходить, сбились в кучку, совещались о чем-то. К Светлане подошли Лена Некрасова и Соня Ильина.

– Светлана Александровна, а можно, мы останемся в классе на этот час?

– Зачем же вам оставаться?

– Мы хотим написать письмо, – сказала Лена.

– Поздравительное письмо. Любовь Ивановне... – добавила Соня.

Лена закончила:

– К Восьмому марта.

Любовь Ивановна – старушка учительница, вышедшая на пенсию в прошлом году. А ведь это хорошо, что ребята вспомнили о ней!

– Что ж, девочки, оставайтесь. Только имейте в виду – в соседних классах уроки, так вы потише.

– Да, конечно.

Светлана уже стояла, перед ней на столе еще лежал раскрытый задачник. В конце каждой задачи – вопрос, а на последних страницах – ответы на все задачи, даже самые трудные. Заглянешь в ответ – и проверишь себя, правильно ли решил задачу. К сожалению, это только в задачниках так!

Лена и Соня Ильина все еще не отходили, смущенно переглядываясь, будто чего-то выжидали.

Лена – староста, нужно будет возложить на нее ответственность за тишину в классе.

– Бумага-то почтовая у вас есть?

– Есть. Только... Светлана Александровна, вы, пожалуйста, выйдите из класса, когда мы будем писать!

Ответить нужно сейчас же, сию минуту нужно ответить! Обидеться? Или повернуть в шутку?

Светлана неторопливо закрыла задачник.

– Уйду, уйду, Лена, не буду подслушивать ваши секреты. Ведь каждое письмо – это маленькая тайна между тем, кто пишет, и тем, кому оно адресовано. До свидания, ребята. Кончите писать – выйдите потихоньку. Лена, ты староста, следи за порядком. Когда пойдете, скажи мне, я буду в учи-

тельской.

Кажется, небольшое расстояние от столика до двери, но когда чувствуешь, что взгляды всех ребят, всех до одного, как бы упираются в тебя... В коридоре стало чуточку поспокойнее, но перемена еще не кончилась, все в движении. Пускай здесь ребята из других классов, но это все тот же молодой, любопытный, наблюдательный, ласковый, добрый, жестокий народ!

По совести говоря, обидно ужасно! И, кажется, не очень-то правильный был ответ. Нужно было все-таки дать им почувствовать, что неделикатно просить учительницу выйти из класса... «И почему они решили, что я хочу остаться?.. Сама виновата, нужно было сразу им сказать: вот я сейчас уйду, а вы не шумите...»

Звонок! Коридоры пустеют. В учительской тоже, на счастье, никого нет.

«Так что же случилось? Меня заподозрили в неделикатном желании узнать, о чем пишут... моей сопернице, что ли? Как они расценивают мое отношение к их старой классной руководительнице? Может, хотели написать обо мне? Или думают, что я так думаю?»

Все эти вопросы висят в воздухе. Ни в одном задачнике ответов на такие вопросы не дается.

В каждом классе бывают хорошие девочки и мальчики. И не просто хорошие, а очень хорошие: способные, веселые и

старательные. Почти ангелы с крылышками, можно было бы сказать, если бы не были они такими по-человечески живыми.

В четвертом «В» такой была Анечка Чернышева, любимица всего класса, любимица учителей. За весь год – ни одного замечания, ни одного нарушения дисциплины.

Как только за Светланой закрылась дверь, Анечка Чернышева протиснулась к столу учительницы. Была она небольшого роста, с тихим голоском, вежливая до предела.

Анечка стукнула по столу маленькой ладошкой и крикнула:

– Свиньи мы все! – обнаруживая тем самым свою человеческую сущность.

– Правильно! – отозвался Володя Шибаев со своей парты у окна. – Свиньи вы все, и больше ничего! А самая страшная свинья – это Ленка!

– Я говорю: мы, мы все свиньи! – продолжала Анечка с таким накалом в голосе, что у всех прямо даже мурашки забегали по спине. – Свиньи за то, что дали уйти Светлане Александровне! Иди, Лена, догони ее, нужно извиниться! Пойдем!

Через минуту весь класс гудел, каждый выкрикивал свое мнение о случившемся, осуждая, оправдываясь, негодуя. Через две минуты стали распахиваться двери соседних классов и появляться в коридоре встревоженные учителя. Через пять минут в учительскую вошла Ирина Петровна с розовы-

ми пятнами на щеках.

– Светлана Александровна, пойдите полюбуйтесь, что делается в вашем классе! Как можно было уйти и оставить ребят без надзора!

Через полчаса – разговор в кабинете директора. Евгений Федорович сидел за своим широким письменным столом, сам такой широкий, уверенный в себе, умиротворяющий.

– Светлана Александровна, да вы не расстраивайтесь так. Спокойной жизни захотели? Тогда вам не в школу идти, а другую бы себе выбрать профессию: хранителя экспонатов в археологическом музее или что-нибудь в этом роде.

– Нет, вы скажите, скажите, Евгений Федорович, ну как я должна была поступить?

Евгений Федорович неторопливо передвинул лежавший перед ним классный журнал на правую половину стола. А у Светланы вдруг промелькнула смешливая, озорная мысль. Ей показалось, что, отведя глаза на классный журнал, Евгений Федорович дает себе отсрочку в полсекунды и торопливо обдумывает: что же ответить сейчас молодому товарищу, да поскорее, да так, чтобы товарища поучить уму-разуму и подбодрить, а главное – мудрое и авторитетное.

Уважаемый директор стал вдруг по-человечески близок. И она уже знала: что бы он ни сказал сейчас, это будет разбор неправильно решенной задачи. А следующая задача будет уже на другое правило. Ее-то решать опять придется самостоятельно, без подсказки.

«Ну что ж, – окончательно повеселев, подумала Светлана, – разберем одну задачу, попробуем решить другую. В археологический музей работать ведь я же не пойду!»

...Вечером – неожиданные гости; половина класса пришла извиняться. Заполнив комнату, ребята сидели на стульях, на диване, на кровати, на подоконнике.

– Ну, а письмо Любовь Ивановне так и не написали? – спросила Светлана.

– Не написали, – горестно ответила Лена Некрасова.

Светлана налила в чернильницу свежих чернил, положила на стол ручку и несколько листков бумаги.

– Пишите, – сказала она.

А сама ушла в кухню, к чудо-печке, вспоминая на ходу рецепт самого быстрого чудо-кекса.

Х

Восьмого марта, как только Светлана вошла в класс, ребята встали и проговорили хором:

– Светлана Александровна, поздравляем вас с Международным женским днем!

Видимо, долго репетировали, уж очень четко получилось.

– Спасибо. И вас, девочки, поздравляю. Садитесь.

Но все продолжали стоять. Лена Некрасова начала – одна – очень торжественным тоном:

– Светлана Александровна, мы хотим подарить вам сегодня в честь нашего Международного женского дня...

Дарят все-таки! Что же делать теперь?..

– ...хорошее поведение! – dokonчила Лена.

Все лица были очень серьезны.

Светлана весело ответила:

– Спасибо, ребята! Это очень хороший подарок. Принимаю с благодарностью.

Все четыре урока стояла в классе сказочная, неправдоподобная тишина. Ни подсказок, ни перешептывания. Ребята ревниво следили друг за другом, и если кто по рассеянности забывал о подарке, его немедленно одергивали, молча, но энергично.

Интересно, кто придумал это? Сами или Ленина мама подсказала?

Когда прозвенел последний звонок и в идеальном порядке ребята растянулись линеечкой, выходя из класса, Лена заметила:

– Жаль, что Восьмое марта бывает только раз в году!

– Почему жаль? – загадочным тоном спросила Светлана. – Подарок есть подарок.

На другой день при первой же попытке Толи Якушева переслать записочку на переднюю парту Светлана сказала удивленно:

– Толя, разве ты забыл, что подарил мне вчера вместе со всем классом хорошее поведение?

– Так ведь это было вчера! – удивился Толя.

– Мне кажется, подарки не принято отбирать на другой же день!

– Вот так попались! – громко сказал Володя Шibaев.

– Вы очень хитрая, Светлана Александровна! – заметил Андрюша Седов.

Обыграть подарок удавалось еще в течение нескольких дней. А потом получил тройку Андрюша Седов. Тройку по арифметике, случайную конечно, потому что Андрюша был твердым, надежным отличником. На следующий день Андрюша в школу не пришел. И еще день...

– Что с Седовым, никто не знает?

Нет, никто не знал. Андрюша жил на набережной, и попутчиков у него не было. Нужно будет спросить у Вадима.

На перемене Светлана поднялась к девятиклассникам. Ее догнала Лена Некрасова:

– Светлана Александровна, вас Ирина Петровна просит сейчас же прийти к ней в кабинет!

В кабинете завуча сидела Андрюшина мать, бледная, с синевой под глазами. Взволнованным голосом она рассказала, что вчера за Андрюшей, когда он шел в школу по Заречному переулку, погнались какие-то парни с ножами. Он был так напуган, что вернулся домой.

– Рассказал он мне об этом не сразу. Вчера меня дома не было целый день. Сегодня, вижу, собирается как-то нехотя, будто даже со страхом... А потом говорит: «Мама, я не пойду в школу!» Ну, и рассказал. Вы же понимаете?.. Нервное потрясение!

– Кто гнался за ним? Ребята? Школьники?

– Нет, нет, взрослые парни. Он даже сказал: дядьки.

– Незнакомые?

– Да. Ирина Петровна, я уже в милицию заявила. А потом – к вам.

Светлана спросила:

– А почему он не с братом шел?

– Вадим обычно выходит раньше, заходит за товарищами.

– Что за дикая история! А сейчас где Андрюша?

– Дома сидит.

– А вы приведите его, хотя бы к последнему уроку.

Андрюша явился тихий, какой-то пришибленный, на во-

просы отвечал неохотно.

Хотя в кабинете завуча было решено молчать о происшедшем, чтобы не устраивать паники, но слухи уже просочились, может быть, от девятиклассников, через Вадима.

Появление в школе милиционера еще больше взбудоражило ребят.

Небольшого роста, плотный и самоуверенный лейтенант милиции прошел в кабинет директора, сопровождаемый любопытными взглядами.

– Товарищ милиционер, а их уже поймали?

– Всех, кого нужно, поймаем, – с твердостью ответил милиционер.

Когда Светлана вошла в кабинет, Андрюша Седов уже был там.

– Так вот, – говорил лейтенант милиции, – ты, Андрюша, нам расскажи спокойненько, не волнуясь, как было дело. В-первых, где с тобой это случилось и когда?

– Вчера утром, когда я шел в школу. Как свернул в Заречный переулок, так они и выскочили...

– Сколько их было?

– Двое.

Светлане помнилось, что Седова говорила про трех человек; впрочем, она не была уверена. Да и у страха глаза велики.

– Кто же это был? Ребята или взрослые?

Андрюша ответил, подумав:

– Не совсем еще взрослые.

– Какого же возраста? Приблизительно.

Андрюша пожал плечами.

– Ну, по шестнадцать им было лет или по сорок?

Андрюша наморщил лоб с добросовестным видом.

– Лет по восемнадцать.

Милиционер одобрительно кивнул:

– Вот это точно сказано. Откуда же они выскочили?

– Из ворот.

– Навстречу тебе бежали или за тобой?

– Сначала навстречу, а потом за мной, когда я от них побежал.

Милиционер опять сделал одобрительное движение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.